

Всемирная история для детей

Индейцы

Правда Железа

Издание 10. Времена

Европейского

Соревнования Америки

Игры вчерашние

и сегодняшние

Издательство

Москва

Филипп Жакен

Индейцы во времена
европейского
завоевания Америки
Индейцы вчерашние
и сегодняшние

Иллюстрации Франсуа Даво

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
1999

Philippe Jacquin
AU TEMPS DES
INDIENS D'AMÉRIQUE
À L'ÉPOQUE DE LA CONQUÊTE

LES INDIENS D'HIER ET D'AUJOURD'HUI

Перевод с французского
А. ТРЯСУНОВА

Редактор
Е. ОСЕНЕВА

Исключительное право публикации книги
Филиппа Жакена «Индейцы» на русском языке принадлежит
издательству «ОЛМА-ПРЕСС».

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

ISBN 5-224-00142-0

© Hachette, Paris, 1990
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», издание на
русском языке, 1999
© А. Трясунов, перевод, 1999

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 129075 Москва, Звездный бульвар, 23. Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96.
Формат 60×90/8. Бумага офс. Печать офсетная. Гарнитура «Баскервиль». Усл. печ. л. 8,0. Заказ 921. Тираж 35 000 экз.
АООТ «Тверской полиграфический комбинат» 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Индейцы
во времена европейского
завоевания
Америки

Покорение индейской Америки

В 1492 году генуэзский мореплаватель Христофор Колумб, служивший королю Испании, открывает за Атлантическим океаном неизвестные дотоле земли. Колумб надеялся, что, держа курс на запад, три его каравеллы достигнут Азии, а именно — Индии. После нескольких недель пути он высаживается на каких-то островах, соседствующих, по его мнению, с Индией, и называет их обитателей индейцами*.

Это была вовсе не первая встреча индейцев с европейцами. Еще около 1000 года викинги, явившиеся из Гренландии, осваивают восточные берега полуострова Лабрадор, входящего ныне в состав Канады. Но захват оказывается недолгим, поселения викингов исчезают, и только саги — скандинавские сказания — хранят память об этом мимолетном событии.

Открытие Христофора Колумба вызывает чрезвычайное волнение в Европе XVI столетия. Всех интересует происхождение индейцев и Новый Свет, откуда в порт Севилью поступают диковинные товары. При дворах всех тогдашних крупных правителей распространяются слухи о несметных заморских богатствах, среди которых — да-да! — есть и золото. И вот уже конкистадоры покоряют ацтекскую Мексику, захватывают империю инков. В погоне все за тем же золотом испанцы доходят до самого севера Мексики, до нынешнего Техаса. Обнаруживают не золото, а земледельцев, живущих в деревнях-крепостях, и называют этих людей «пуэблос» (от испанского слова «пуэбло» — «деревня»), ибо они очень сильно отличаются от окрестных кочевников.

В 1540—1542 годах экспедиция, возглавляемая Коронадо, проникает еще дальше — через Техас, в Великую Прерию. Она ищет «семь золотых городов», которые видел, по его утверждениям, Кабеза де Бака. Тогда же Эрнандо де Сото высаживается с сотней солдат во Флориде и возвращается пешим ходом в Техас. Испанцы разочарованы итогами своих усилий: индейцы упорно сопротивляются, на необъятном материке, кажется, нет ни золотых копей, ни Эльдorado. Тем не менее они оставляют на всем юго-западе Северной Америки свои миссии и немногочисленных поселенцев.

Видя, сколь обширная испанская империя создается в Америке, короли Франции и Англии стараются овладеть теми районами, до которых у испанцев руки не дошли. С начала XVI века европейские рыбаки наведываются к берегам острова Ньюфаундленд, где хорошо ловится треска. За рыбаками идут исследователи. Один из них, Жак Картье, спускается по течению реки Святого Лаврентия (1535—1536) и преподносит в дар королю Франциску I заснеженные просторы Канады. На английские средства семейство Кэбот обследует район Ньюфаундленда, а позже Мартин Фроубишер и Джон Дэвис ищут северо-западный морской проход, чтобы обогнуть Америку и добраться до сказочной Индии. Правда, и французов, и англичан несколько расстраивает то, что индейские племена, с которыми они сталкиваются там и сям при высадках на берег, очень бедны. Государи вовсе не намерены тратить на освоение «страны, покрытой лесными чащобами и населенной дикарями».

* На самом деле — «индийцами». Если русский язык различает «индийцев» и «индейцев», то испанцы, как англичане, французы, немцы, вынуждены уточнять: «американские индийцы», то есть, по-нашему, индейцы. (Прим. пер.).

Пюви де Шаванн. Жак Картье открывает реку Святого Лаврентия.
Масло.

С северную Америку начинают понемногу захватывать в XVII веке. Француз Самюэль Шамплен сооружает маленький форт в местности Квебек, возле устья реки Святого Лаврентия (1609). С кучкой сотоварищей он затекает торговлю бобровыми шкурками. Из меха этих животных можно делать фетр, а из него — прекрасные непромокаемые головные уборы. В 1642 году французы строят еще один форт, западнее первого, на острове Монреаль. Продвигаясь в глубь страны вдоль реки Святого Лаврентия, они выходят к Великим озерам. Несколько сотен французов оседают в провинции Новая Франция, между Квебеком и Монреалем.

В 1607 году англичане основывают Джеймстаун и первую свою колонию — Виргинию. Английская Америка сразу становится прибежищем всех гонимых. Так, в 1620 году с корабля «Мэйфлауэр» на мыс Код высаживаются пуритане. Новая Англия принимает изгоев отечества.

В 1625 году голландцы покупают у индейцев остров Манхэттен, что в устье реки Гудзон. Голландские и шведские поселенцы строят по ее берегам фермы. Несколько лет спустя у английских католиков появляется собственная колония — Мэриленд. На протяжении века из всей Европы прибывают эмигранты-бедняки, начинается ввоз чернокожих рабов. Как подчеркивает французский первопроходец Жан де Кревкёр, американцы — «это смесь англичан, шотландцев, ирландцев, голландцев, немцев и шведов». Но не индейцев.

Смохалла,
вождь шапатинов
(1890)

«Вы требуете от меня пахать землю. Это как же: взять нож и выпотрошить собственную мать? Значит, когда я умру, она не примет меня в лоно свое и не позволит мне упокоиться в нем.

Вы требуете от меня выкапывать из земли камни. Это как же: вспороть матери кожу, чтобы добыть кости? Значит, умерев, я не смогу войти в ее плоть, чтобы в ней возродиться.

Вы требуете от меня косить траву, сушить сено, продавать его и обогащаться, подобно бледнолицым. Но как осмеюсь я отрезать волосы у собственной матери?»

Как изучают историю бесписьменных народов

В отличие от ацтеков и майя, североамериканские индейцы не знали письменности. Зато у них была богатая устная традиция. Бесписьменные общества передают на словах свои законы, религию, обычаи, историю — все, что другие общества записывают.

Les PARENS demandent au DEFUNT la cause de sa MORT.

В XVIII веке писатели и философы проявляют интерес к нравам индейцев, их религиозным и похоронным ритуалам. На картине — родственники, собравшиеся вокруг покойного, вопрошают, отчего он умер. Библиотека прикладных искусств.

Рождение

«Почувствовав себя беременной, женщина должна тут же известить своего мужа, хотя это признание лишает ее всяких с ним сношений. Когда начинаются родовые схватки и женщина решает, что готова родить, она покидает хижину, удаляется на некоторое расстояние в лес с другой дикаркой — повитухой, и вскоре дело сделано. Родильница дарит повитухе нож, которым та перерезала пуповину, — вот и всё ее вознаграждение».

*Дьервилль.
Путешествие в Новую Францию*

В каждом племени, роду, группе отдельные люди — старейшины, вожди — хранят память о событиях, которых были очевидцами или о которых узнали от предков. Как и человеку, племени нужна память: она позволяет его членам опознавать друг друга в одном и том же прошлом и благодаря этому ощущать взаимосвязь. Общей устной традицией подкрепляется самобытность группы.

На протяжении XVII века миссионеры, охотники, военные жили среди индейских племен, изучали их языки, расспрашивали об их законах и обычаях. Становясь свидетелями исполнения обрядов, наблюдая строительство домов, земледельческие работы, европейцы открывали для себя новое общество со странными, на их взгляд, установлениями. Некоторые делали зарисовки, подробно и точно рассказывали об увиденном в письмах или книгах. Фотография еще не существовала, путешественников было немного, а государям требовались сведения. Поэтому письма, служебные доклады, отчеты миссионеров изобилуют данными о быте индейцев, об их привычках и поступках.

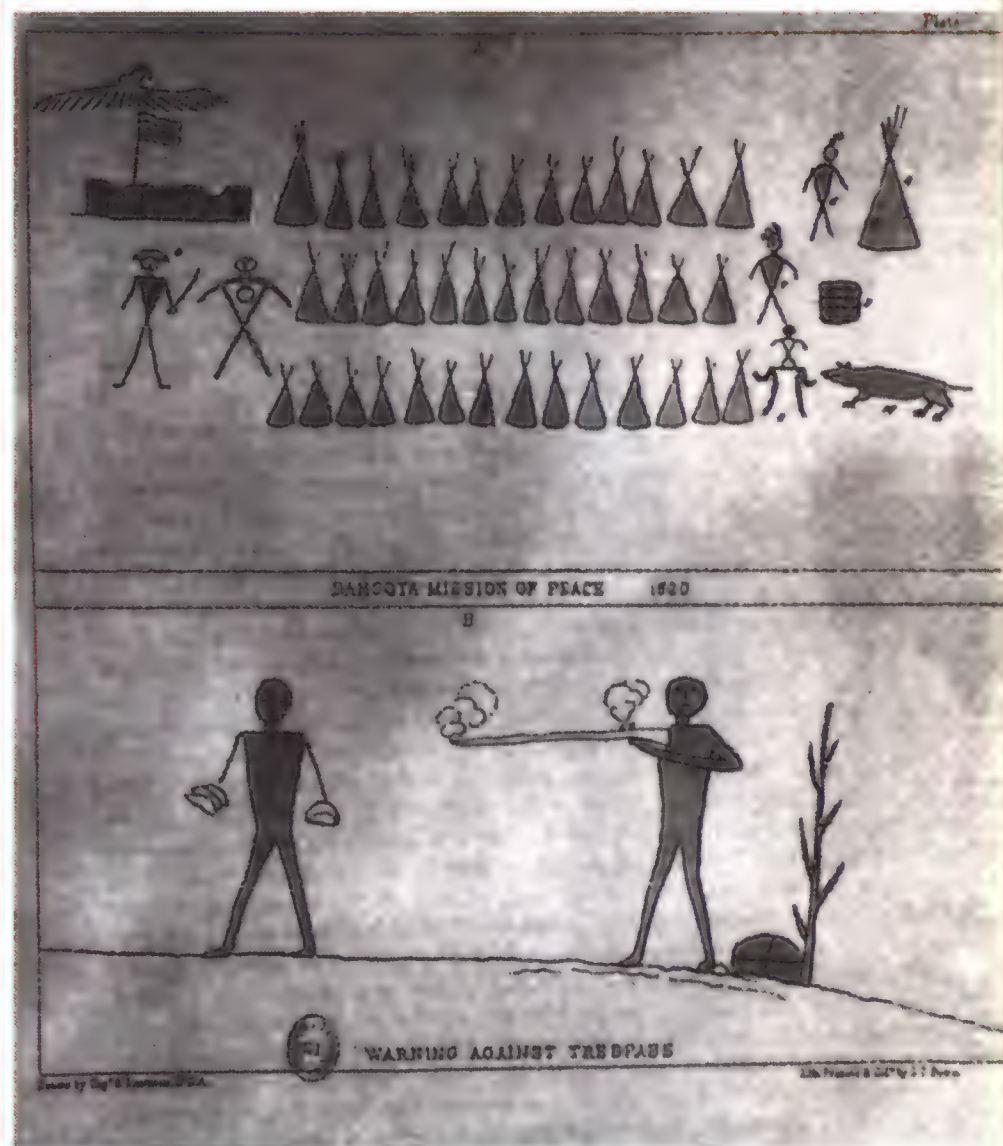
Не следует, однако, обманываться богатством таких документов. Историк должен толковать их с большой осторожностью. Ведь они были составлены чуждыми индейскому обществу людьми, которые порою едва понимали смысл того, что происходило на их глазах. Автор вольно или невольно мог умолчать о каких-то случаях, событиях. Для более ясного понимания мира индейцев историку нужна помощь археологии и этнологии.

На местах расположения древних индейских городов в Америке ведутся многочисленные археологические раскопки. Изучение скелетов дает сведения о пище, болезнях, демографии индейцев. Из захоронений извлекают ремесленные изделия, а в могилах XVII века уже встречаются и предметы европейского происхождения. Так можно проследить пути распространения на континенте товаров из Европы. Пищу для размышлений дают историку методика работ и сами работы этнологов среди народов, остающихся бесписьменными и в XX веке.

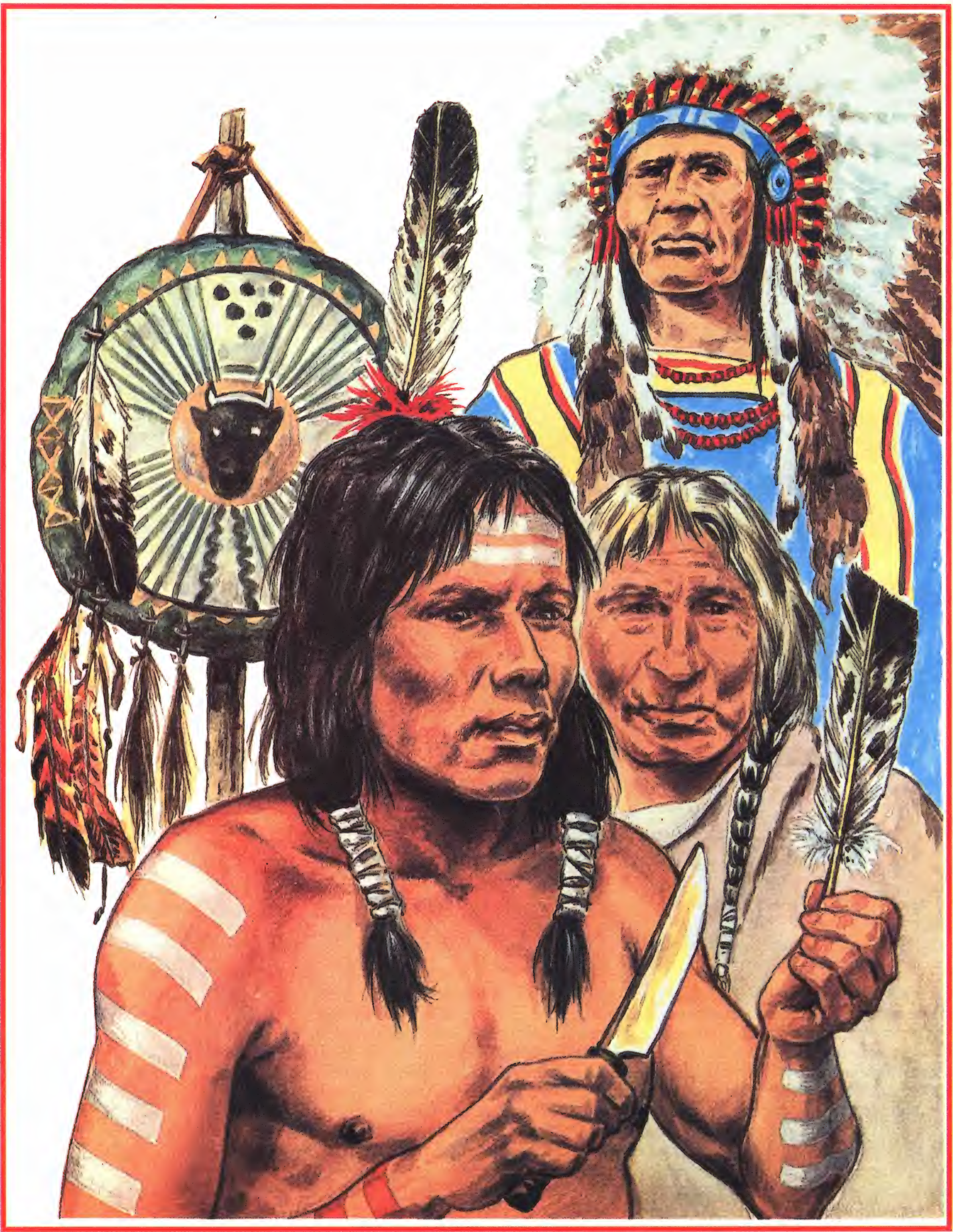
В Амазонии и в Африке этнологи исследуют, как устроены бесписьменные общества, как они контактируют с обществом белых людей, как сопротивляются или гибнут. Разумеется, историк не может механически переносить выводы этнологов на исчезнувшие общества, однако эти работы помогают ему лучше понять взаимодействие культур.

Все народы, есть у них письменность или нет, творят свою историю, развиваются в свойственном им темпе, обмениваются информацией, добывают знания и создают искусства, сложность и богатство которых не перестают изумлять. У бесписьменных обществ есть история, надо только ее открыть...

Индейцы не знают письменности, но умеют рассказывать о событиях и об истории племени с помощью пиктограмм.

*Раскопки индейского поселения в Блан-Саблоне
(Бель-Иль, провинция Квебек).*

Индейцы

Америка, страна индейцев

10—11

Босиком по священной земле

12—13

Сотворение мира

14—15

Общества без государства

16—17

Красноречие

18—19

Сила родства

20—21

Подарки открывают все двери

22—23

Добыть себе славу

24—25

Шаманство

26—27

Страсть к игре, наслаждение звуками

28—29

Чувство материала

30—31

В священной ограде

32—33

Охотники среди снегов

34—35

Северные земледельцы

36—37

Народовластие по-ирокезски

38—39

Хозяева равнин

40—41

Они были самой жизнью

42—43

Солнечные земледельцы

44—45

Народ богов

46—47

На краю земли

48—49

Сыны океана

50—51

Под крылами Великого Ворона

52—53

Бородачи

54—55

Америка, страна индейцев

По болотистой тундре медленно движутся вперед семьи охотников. Человек, пришедший в Америку, это *Нотто сапиенс*. Он охотится на крупных зверей, таких как мамонты, верблюды и гигантские ленивцы.

Сорок тысяч лет назад океанский пролив, отделяющий северо-восточную оконечность Сибири от Америки, превратился из-за сильного похолодания в ледяной мост. С тех пор группы азиатских охотников, преследуя мамонтов, забредают в Америку. Это и есть предки индейцев. Все племена и цивилизации обеих Америк возникли в результате расселения представителей желтой расы, ибо этим охотникам суждено на протяжении тысячелетий распространяться по континенту.

Повсюду археологи находят в раскопках наконечники стрел, костровища и даже атлатли — приспособления, помогающие с большей силой метать дротик. В некоторых местностях к 3000 году до н. э. появляются большие деревни. Позднее древние индейцы перенимают у соседей, живших на территории нынешней Мексики, умение выращивать кукурузу и делать глиняную посуду, приручают собаку.

Охотники пытаются отнять у саблезубого тигра убитую им лошадь.

«Длиннорогие» уже учуяли приближающихся охотников. Этим бизонов, которых индейцы ценят прежде всего за мясо, они загоняют в пропасть. Во время раскопок обнаружены доисторические «кладбища», где громоздятся сотни скелетов.

Две обширные области доколумбовой Америки выделяются особым богатством и многообразием цивилизации. Индейцы адена и хопуэллы в долине Миссисипи и Огайо хоронят покойников под внушительными курганами. Эти народы общаются с мексиканскими соседями, у них появляются замечательные ремесленники, которые чеканят по меди, обрабатывают камни, ракушки, акулы зубы, расшивают одежду жемчугом.

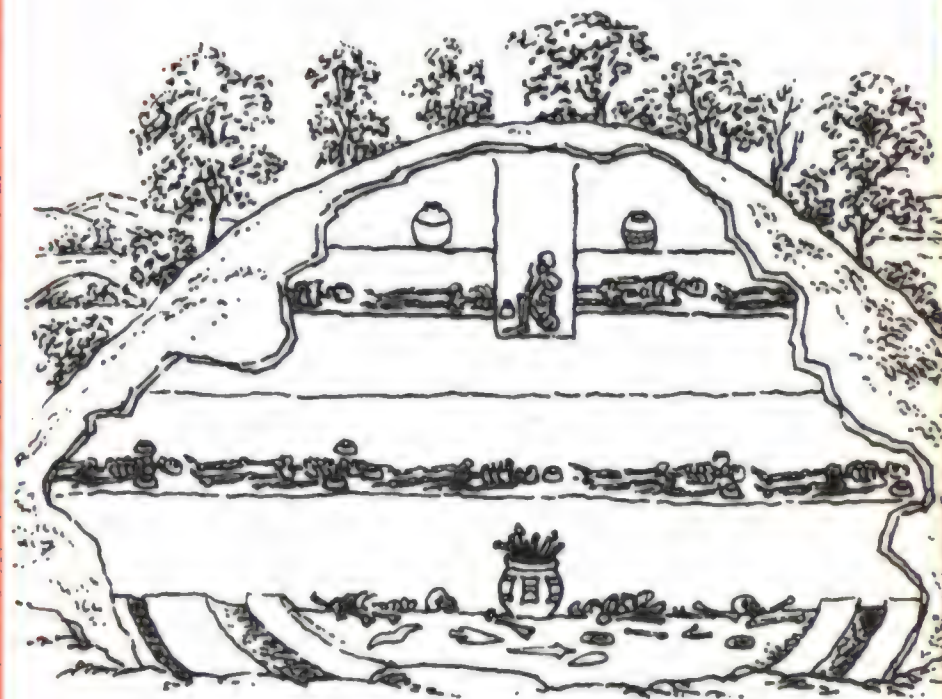
Столь же блистательные культуры возникают одна за другой между 2000 годом до н. э. и 1200 годом н. э. на юго-западе. Хохокамы в Аризоне орошают пустыню, их соседи — моголлоны — строят наполовину заглубленные в землю дома, крытые камышом, и делают великолепную глиняную посуду с черным узором по белому фону.

Анасази — в переводе с языка навахо «старейшие» — прекрасные плетельщики и земледельцы. Они оставили нам свидетельство своего зодческого искусства в Меза-Верде, где несколько тысяч индейцев населяли прилепившиеся к скалам жилища, которые и сегодня поражают туристов.

Предметы, найденные в курганах, дают нам сведения о быте индейцев в доколумбовы времена. Статуэтки говорят о материнской нежности, о богатом убранстве знатных людей — и о человеческих жертвоприношениях (крайняя справа). Слева — мужчина, сидящий на корточках, играет в чанки. Он кидает круглый плоский камень, за которым другой игрок бежит с деревянной палочкой. Задача в том, чтобы камень упал на палочку, скользящую по земле.

Курган хопуэллов состоит из нескольких ярусов. Нередко знатного хопуэлла хоронили вместе со вдовой и рабами, которых приносили в жертву по случаю его кончины. Тело окружено множеством ритуальных предметов, сопровождающих покойного в загробный мир. На некоторых покойниках ожерелья из раковин-жемчужниц, листки меди и чеканного золота.

Босиком по священной земле

Юноша из племени команчей вздрагивает. Уж не померещилось ли? Он смотрит на усыпанное звездами небо. Пронзительный крик раздается вновь. Знакомый крик. Бродя по степи с приятелями, он часто его слышал, а потом с высоты камнем падал на луговую собачку сокол. Ночью сокол не охотится, но паренек ощущает его присутствие...

Это подает знак дух, воплотившийся в сокола. Уединившись несколько дней назад, голодный, холодный, юноша ждет, когда покажется дух-покровитель. Видение явилось, беседа состоялась, паренек возвращается к родичам. То, что встреча была, подтверждает висящая у него на поясе «медицинская» сумка. В ней — священные предметы, указанные соколом. Сумка поможет вызвать духа, если будет грозить опасность, избежать болезней.

*После употребления «травки», вызывающей галлюцинации, индейцу из племени команчей привиделся человек-сокол с изображением гром-птицы на груди. В Калифорнии пьют дурман-траву (из ее корней готовят отвар), на юго-западе — мескалин. Крики и чероки пьют настой листьев дерева *Пех cassine*.*

На поляне среди орегонских холмов высоко над землей покоится охотник-шошон. «Сердце мое улетает, словно сокол», — пел он, предчувствуя приближение смерти. Его душа отправилась по Млечному Пути в края вечной охоты. Члены семьи опасаются, что душа, не найдя приюта, станет призраком, будет тревожить их сон. Похороны сопровождаются очистительными ритуалами, дабы убаюпанная душа не покидала мир иной.

У индейцев, живущих на равнинах, священная курительная трубка, обращенная ко всем четырём сторонам света, символизирует связь между человеком и Великой Тайной. Чубук представляет Землю, мундштук — плодородие, дым — дыхание Великого Духа. Табак обладает мистическими свойствами: «курить — значит молиться».

Индеец — анимист, все природные явления для него — живые существа, в которые вселился дух, добрый либо злой. Жизнь заключается в том, чтобы добиваться благорасположения духов, почитать их, отводить от себя их пагубные влияния. Миром правит таинственный и недоступный верховный дух, безучастный к судьбам человеческим. Индейцы дакота называют его Вакан, ирокезы — Маниту. Он обнаруживает себя ветром, налетающим на озеро, или раскатами грома над равниной.

Индеец втолковывает сыну: «Если ты не обзаведешься духом-помощником, не жди уважения от сотоварищей». Действительно, перед лицом множества духов и неведомых сил, колеблющих мир, индеец нуждается в покровительстве и получает его от духа, которого распознает благодаря череде видений. Индеец даже беседует со своим духом во время коллективных ритуалов и плясок. Эти празднества спланируют род, ну а «видение», благодаря, например, некоторым свойствам табака, устанавливает и более прямую связь с божеством. Индеец постигает смысл жизни, толкуя знамения, ниспосылаемые духами.

Молодой воин из племени манданов подвешен на костяных спицах, пронзающих его грудные мышцы. Это — ритуальное испытание «окипа», которое белые называют солнечной пляской, ибо через отверстие в крыше «танцор» устремляет взгляд к Солнцу. Своими страданиями он выражает благодарность Великому Духу, каждое лето посылающему ему бизонов, которыми кормится семья.

Могущественный шаман может, вопрошая амулет, предсказывать будущее, он способен путешествовать в страну мертвых и возвращать оттуда души.

Сотворение мира

«Ладная и пышнотелая», по выражению одного миссионера, Аатэнсик, сидя на спине кожистой черепахи, лепит людей из ила, который достали для нее в бездне морской бобер, выдра и мускусная крыса.

Аатэнсик, дочери Великого Духа, скучно на небесах, ей хочется узнать, что же скрывают от нее тучи. Однажды она находит в них просвет, наклоняется — и летит в море. По счастью, она падает на панцирь огромной черепахи. Тут Аатэнсик видит бобра, подзывает его и просит принести ила со дна вод.

Из этого ила она лепит по образу своему первую женщину и первого мужчину и дарит им трех сестер — кукурузу, фасоль, тыкву, которые с тех пор всякое лето гостят на полях отцов наших. Так ирокезы и гуроны рассказывают о сотворении человека и изобретении земледелия.

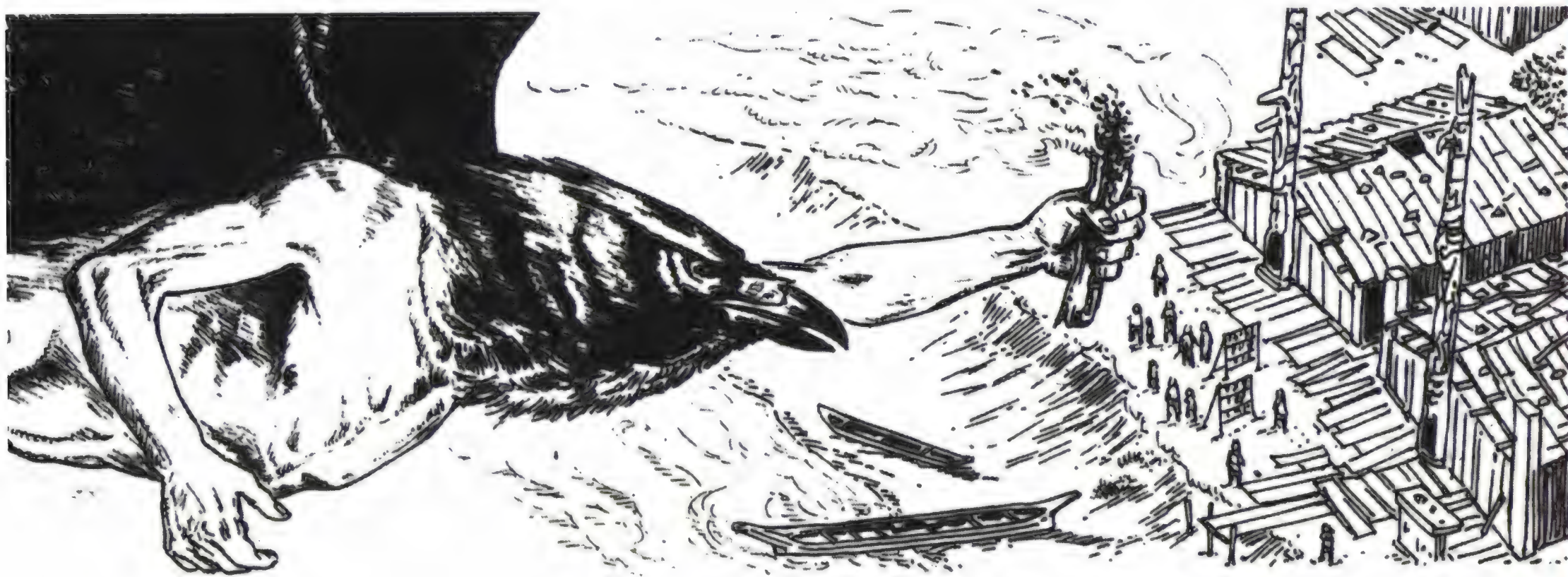
Индейская мифология очень разнообразна. У каждого народа существует множество преданий о рождении мира, происхождении животных или просто о способах сооружения жилища. Мифология обосновывает также общественную практику: объясняет, почему охотник, убив дичь, должен пройти очищение или каким образом некоему «старейшему» открылись такой-то танец, обряд. Она объясняет всякую вещь и всякий обычай. Она придает смысл чему угодно, кающемуся бессмыслицей. В ней — философия индейца.

Индейцы полагают, что Великий Дух, создав мир, вскоре перепоручил эту тонкую работу весьма своеобразному существу с головой зверя и телом человека. Обращиваясь то койотом, то вороном, то кроликом, обманщик этот бродит по миру — обмотанный собственными кишками! — и ворует, лжет, только и думает, как бы соблазнить какую женщину, а между подобными пакостями приводит в мир боль, смех или заставляет течь реки.

Тлингитский миф рассказывает о том, как хитрый, проказливый ворон сумел похитить свет. Он превратился в пыль, а дочь Хозяина Вселенной проглотила ее и забеременела. У нее родился мальчик. Прошло время. Дедушка, обожавший внука, разрешил ему поиграть меш-

ками, развешанными по дому. А там были звезды, Луна и Солнце. Малыш развязал мешки, освободил светила. Потом он принял свой прежний облик ворона, улетел, прихватив Солнце, и подарил его индейцам.

Обманщик завидует Создателю, а гнев его проявляется в дурацких поступках. Так, заспорив с Создателем насчет судьбы, которую следует уготовить людям, Койот выбирает в пользу смерти и болезней и тем самым обрекает на смерть собственного старшего сына. Поняв, что допустил ошибку, он пытается изменить решение, горюет и заливается слезами. По утверждениям индейцев майду, живущих в Калифорнии, «это были первые слезы человечества».

В мифологии равнинных индейцев все сверхъестественное олицетворяется. Такова, например, гром-птица, летающая над миром в облике орла или сокола. Стоит ей только взмахнуть крыльями, как гремит гром, моргнет — сверкает молния, а когда она в ярости, подымается ужасный ветер. Молния, которую она несет в когтях, может достигать земли. Украсив голову перьями этой птицы, воин получает покровительство богов, наводит страх на противника, поддерживает свою доблесть.

Общества без государства

Индейцы выработали различные формы общественного устройства. У охотников-кочевников несколько родственных семей объединяются в сообщества, а власть делится между охотниками. Мужчины равны в правах, статус женщины ниже. Такая система распространена среди индейцев, живущих охотой и собирательством в тундре и тайге.

Однако чаще всего формой организации индейского общества является род. Его члены происходят от общего предка и, говоря друг о друге, употребляют выражение «ототеман» — «он из моей родни» (отсюда понятие «тотем»). Индейцы, принадлежащие к одному роду, считают себя близкими родственниками, помогают друг другу и не заключают между собою браков. В качестве предка рода выступает, по общему правилу, какое-либо животное, мясо которого никто не должен есть. Иерархическое положение члена рода определяется его охотничьей сноровкой, воинской храбростью или колдовскими способностями. В вожди выбирают людей великодушных и наделенных даром улаживать споры.

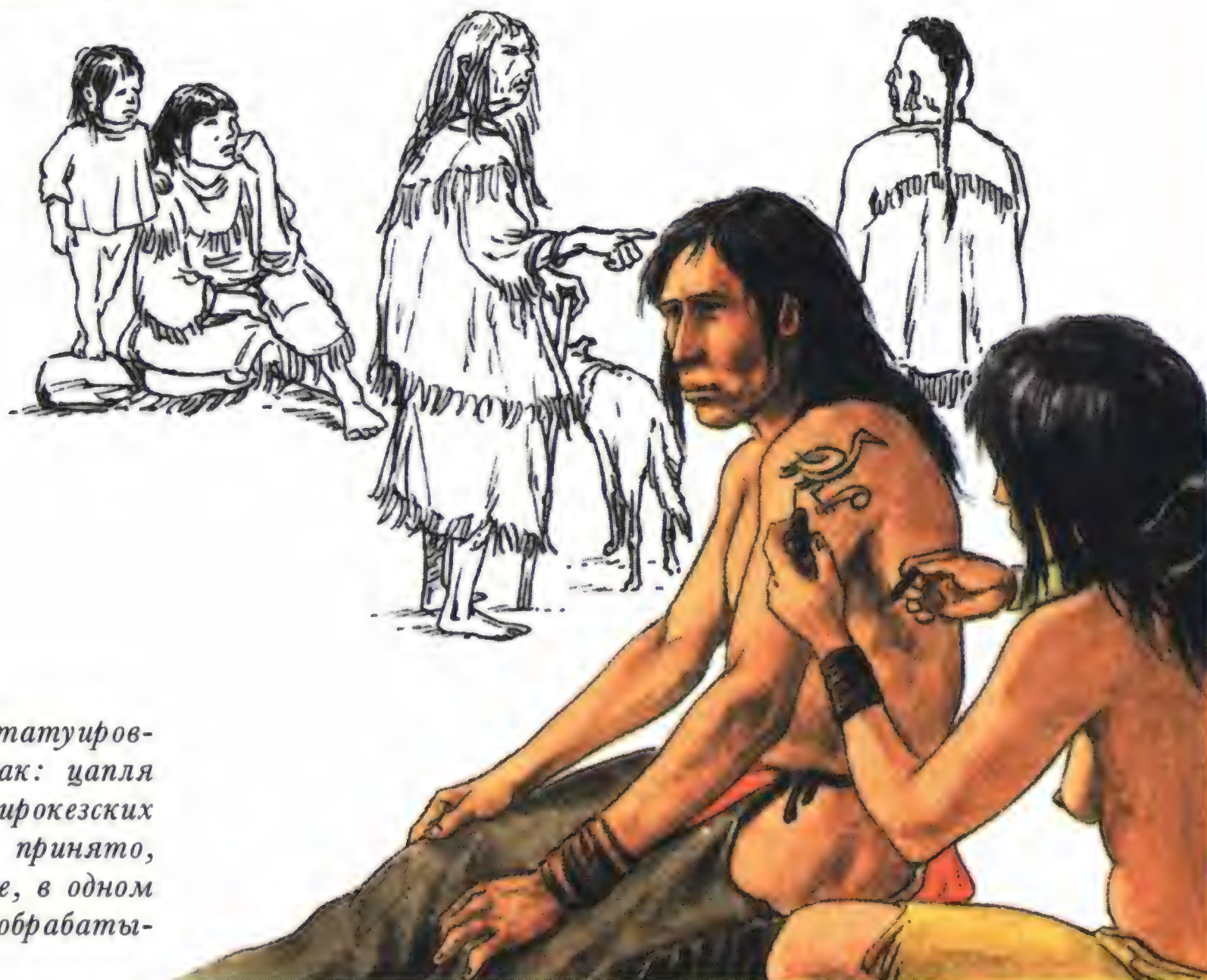
Индейцы тимукуа во Флориде создали такое же иерархическое общество, как и натчезы в долине Миссисипи. Вождь, настоящий монарх, был окружен уважением и почетом. Натчезы даже считали его сыном Солнца.

Два вождя — сиу и кроу — курят трубку во время дипломатической встречи. Племена поддерживают между собою тесные отношения, заключают союзы или же ведут бесконечные войны, время от времени, согласно обычаю, заключая перемирия.

Несколько объединенных родов составляют племя. Управляют им воины и несколько мудрых, по общему признанию, женщин. Когда этого требуют нужды общины, собирается общий совет. Высказаться вправе любой индеец, его выслушают с уважением. Для принятия решений требуется единогласие, выполнять их никого не принуждают. Тут важную роль играют вожди, старающиеся убедить каждого в справедливости той или иной меры. Их власть заключается лишь в силе убеждения, скромности и благородстве.

Ирокезскому воину делают татуировку на плече — родовой знак: цапля с палицей. В некоторых ирокезских и гуронских сообществах принято, чтобы родичи жили вместе, в одном доме, сообща охотились и обрабатывали поля.

Старушка из племени криков уходит в лес, чтобы умереть там в одиночестве... Когда наступает голод, стариками жертвуют ради спасения молодых. Индейцы не доживали до глубокой старости: люди преклонных лет, особенно в племенах охотников и собирателей, должны были принимать смерть, если община испытывала трудности.

На заднем плане мать одного из родов индейцев сенека, посоветовавшись с другими женщинами, назначает вождя (сахема), которому поручается представлять род на совете племени. Только женщины-матери выбирают вождя и следят за его поведением на собраниях. В конфедерациях ирокезов, гуронов и поухатанов, где несколько племен связаны тесными союзами, вожди часто наследуют власть, однако женщины контролируют их политику и могут сместить вождя, если он оказывается бездарным или не выполняет решения, принятые на советах племени.

Красноречие

В XVII веке некий миссионер наблюдал у гуронов странное действо. Один из индейцев встал и, «произнеся несколько слов, запел, а со-товарищи его на площадке размером с театральную сцену вторили ему; он вволю пожестикулировал, взглянул на небо, пришел в восторг от солнца, сплясал забавы ради, одним словом, показал себя изрядным актером, и все признали, что он очень красноречив».

Индеец — прежде всего «человек устного слова». Не зная письменности, он бережно хранит огромную устную традицию. Очень популярны состязания в красноречии, сказания эпического и мифологического характера, смешные истории, высоко ценится рассказчик, умеющий захватить слушателей одним лишь звучанием своего голоса.

«Мой дед узнал от своего деда», — утверждает сказитель из племени шейенов. «Когда змеи спят, когда не шумит буря...» — голос сказителя зачаровывает и детей, и взрослых. Некоторые индейские предания дошли до нас благодаря тому, что в XIX веке они были записаны.

К о времени прихода белых в Северную Америку там существовали две сотни языков и несколько сотен диалектов. В 1929 году американец Эдвард Сапир сгруппировал их в пять основных семей — алгонкинско-алеутскую, хокан-сиу, ацтекско-тоноанскую, пенутья-дене, эскимосско-алеутскую. На каждом языке говорят одно или несколько племен. Алгонкинский распространен на северо-востоке, язык сиу — на северных равнинах, чинук — на северо-западном побережье, мускоги — на юго-востоке.

Язык — не единственное средство общения. Исполнена смысла та или иная раскраска, татуировка. Белый — цвет войны, черный у индейцев кроу означает победу, красный у индейцев дакота символизирует гром. Молчание же в присутствии чужака выражает тревогу и недоверие.

При заключении договора или по случаю иного важного события ирокезы и алгонкины изготавливают вампум, на котором одному из старейшин поручают запечатлеть принятые решения. Черные и белые жемчужины образуют знаки, за которыми скрываются целые предложения.

Искусство — способ общения с духами. Индеец якима рисует на камне над рекой Колумбией портрет «той, которая всё видит».

Язык жестов

Дымовые сигналы

Дорожные знаки «повернуть направо»

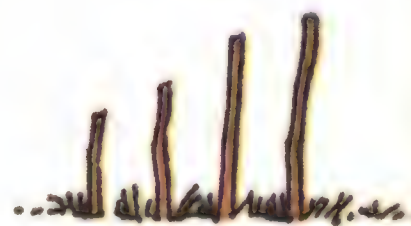
в Скалистых горах

на равнинах

в лесах

справа, в четырех днях пути

На западных равнинах в ходу так много разных языков, что индейцам пришлось изобрести язык условных знаков. Воин сиу, повстречавший воина кроу, представляется ему быстрым движением руки ниже шеи.

Сила родства

Индейские общества пользуются двумя системами родства. Патри-
линейная, не очень распространенная, действует у охотников-со-
бирателей: молодая жена переходит в род мужа и живет вместе с его
семьей до рождения первого ребенка. Затем супруги образуют отдельную
семью.

Обычно же применяется матрилинейная система. Муж из другого рода
поселяется в доме жены. Воспитание детей — обязанность старшего
брата матери (поэтому дядья занимают в семье очень важное место).
В случае развода дети считаются принадлежащими материнской линии,
как и поля, и дом. У гурунов и ирокезов женщина с возрастом обретает
немалую политическую власть.

Индейцы очень рано открывают для себя противоположный пол.
В семьях царит величайшая терпимость. Дети и подростки ходят
голышом, родители разрешают юношам и девушкам свидания. Нет
запрета ни на какие увеселения, ни на какие танцы, дозволены и сексу-
альные опыты. Семья, однако, внимательно следит за выбором будущего
супруга: ловкий, смелый зять повышает престиж всей родни. Претенден-
та несколько месяцев испытывают, проверяют, хороший ли он воин
и охотник. Потом родители сговариваются о приданом — мехах, оже-
рельях из ракушек и обязательствах оказывать услуги. Коли обе семьи
согласны на брак, играют свадьбу. Молодоженам полагается иметь
детей — залог процветания рода и семьи.

*Воспитание состоит в том, чтобы
смотреть на взрослых и делать как они.
Девочка помогает матери по дому.
Мальчик ходит с отцом на охоту, укреп-
ляясь в мужестве и выносливости.*

Младенец-шейен плачет, хотя сест-
ренка рядом. Колыбель такая, что
мать, куда бы ни шла, может брать
ее с собой, а когда занята работой —
подвешивать на дерево. Изнутри
люлька выстлана мхом, бизоньими
шкурами или сплетенными листьями
кукурузы; есть лоточек для стока
мочи. Ребенка вскармливают груд-
ным молоком до трех-четырех лет,
а потом он начинает есть мясо, ко-
торое мать пережевывает, прежде
чем дать малышу.

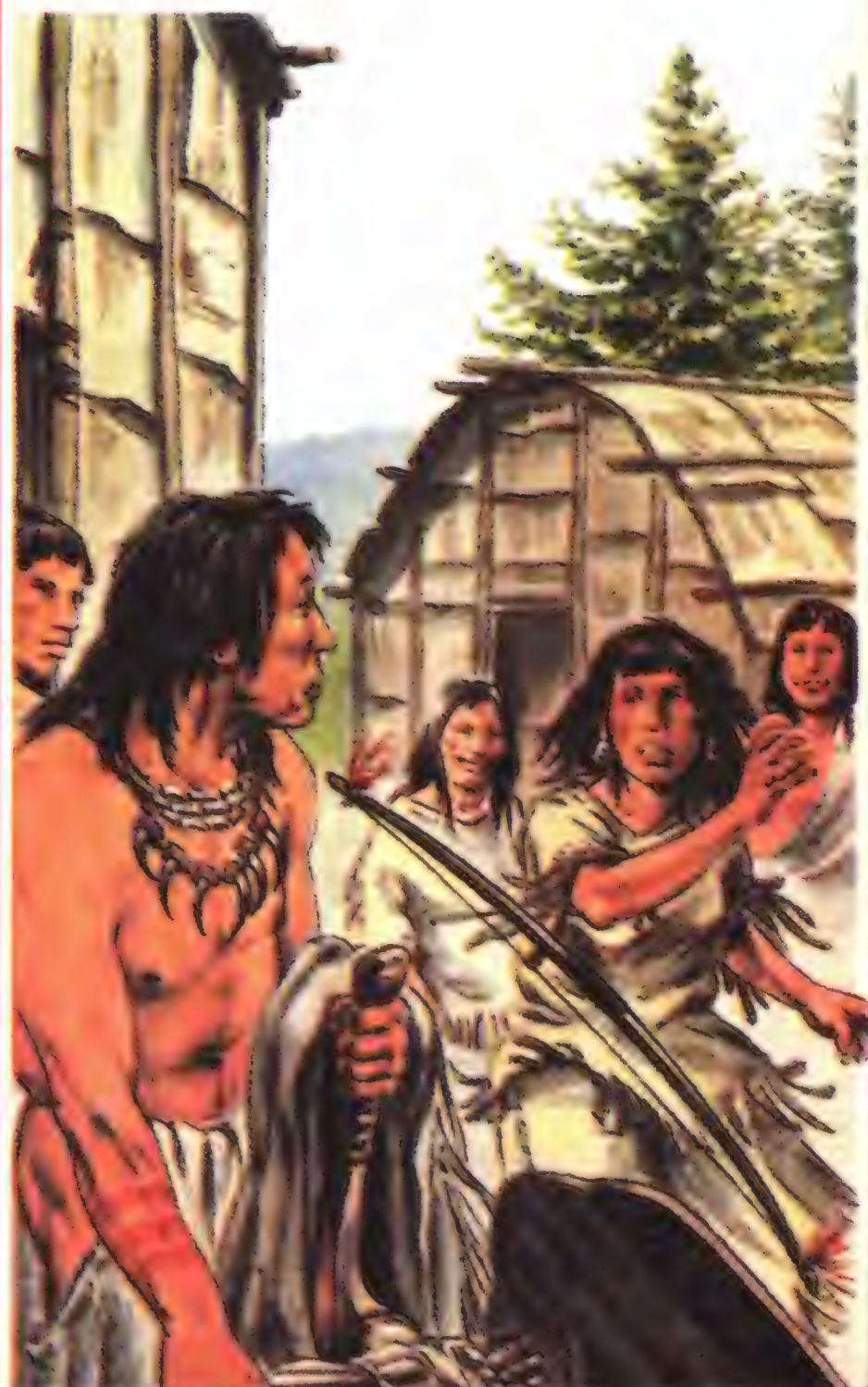

По вечерам гуроны ухаживают за девушками, держа в руке крошечный факел. Они присаживаются рядом с избранницей, говорят о том о сем, стараясь ее обольстить. Если поклонник нравится девушке, она задувает пламя факела, выражая этим желание провести с ним ночь.

Все индейцы придают большое значение переходу от детства к зрелости. Телесные изменения следует сопровождать особыми обрядами, чтобы не испортить отношений с природой. Апачи отмечают праздником первые месячные у девушки: ведь теперь она способна породить новую жизнь. Для девушек устраивают забег, причем, по некоторым утверждениям, от того, сколько каждая сумеет пробежать, зависит, сколько она проживет на свете.

Ирокезка прогоняет мужа: она выбросила из дому его оружие, тем самым извещая всех, что разводится. У индейцев существует развод: отвергнутый муж возвращается в материнский род. В матрилинейных обществах, когда супруги расходятся, дети всегда остаются в семье матери.

Подарки открывают все двери

Моха́вы, населяющие низовья Колорадо, живут выращиванием кукурузы и фасоли. Прекрасные торговцы, они посещают края племени хопи, чтобы обменять на разноцветные покрывала соль и ракушки Тихого океана.

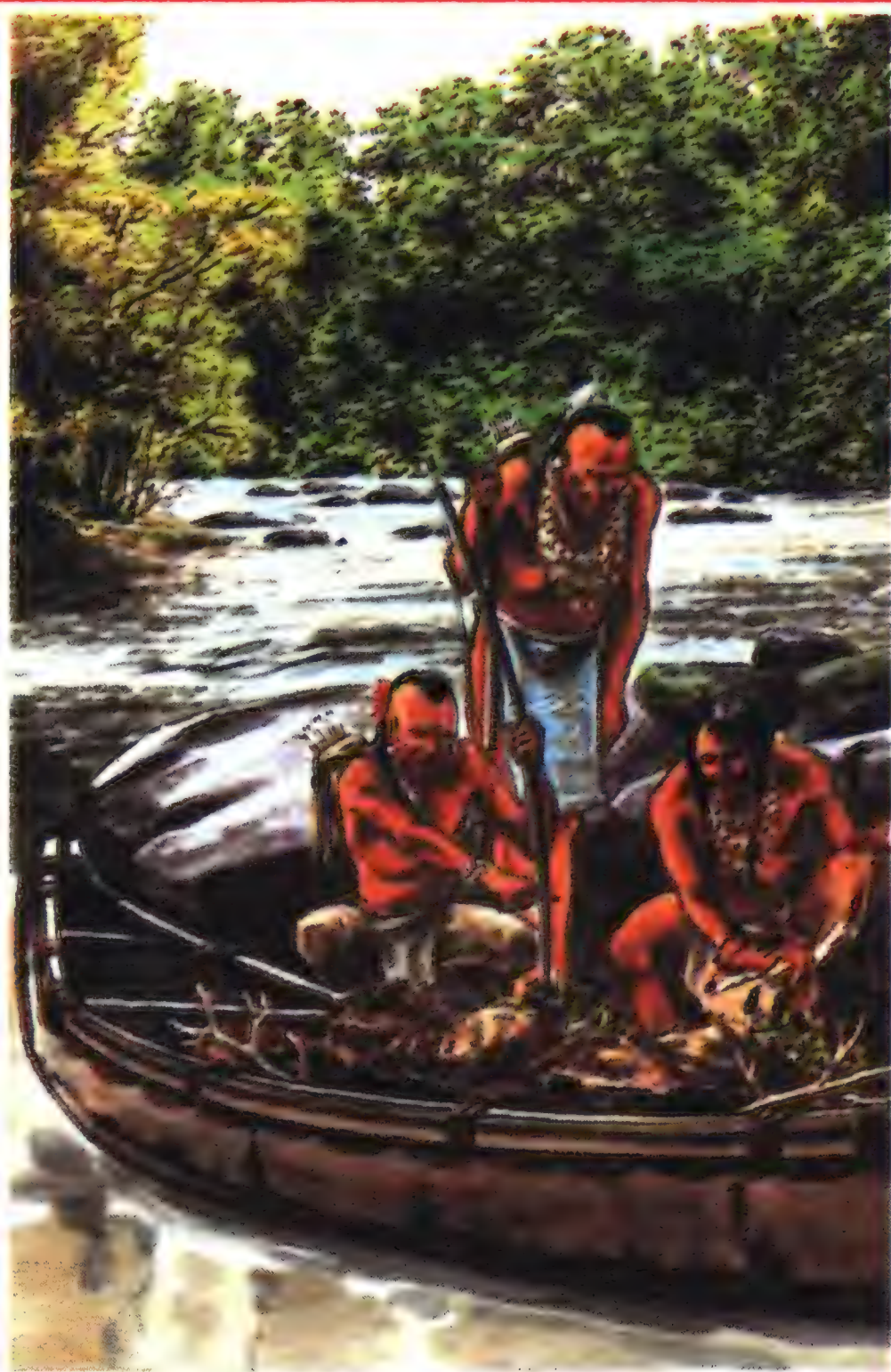
Индейцы не только видят в торговле способ получения нужных им товаров, но и считают ее необходимой для того, чтобы вступать в союзы, поддерживать дружеские отношения, узнавать новости. В Северной Америке сосуществуют несколько типов торговли. Внутри племени люди обмениваются предметами собственного изготовления или же приобретенными в поездках. Поскольку денег не существует, покупатель предлагает продавцу равноценную вещь либо обязуется оказать ему услугу, например участвовать с ним в охоте или боевой вылазке.

Торговая стратегия племени определяется его потребностями, местоположением, окружающей средой. Земледельцы гуроны ежегодно собирают несколько тонн кукурузы, а еще славятся изготовлением очень крепких рыболовных сетей. За свою кукурузу они получают от северных соседей, алгонкинов, дичь и добротные меха.

У южных племен гуроны покупают шкурки белок и енотов-полоскунов, особенно же ракушки с Атлантического побережья, которые идут на украшение одежды и изготовление вампумов. Не все вырученное от такой торговли гуроны потребляют сами. Они ведут выгодный обмен с виннебаго, живущими западнее. Ведь, переходя от одного племени к другому, вещь растет в цене, так что торговое посредничество особо привлекательно.

Торговля и дипломатия тесно взаимосвязаны. Дополнение торговых отношений — обмен юношами, которые должны изучить язык и обычаи рода, в который они попадут, и тем способствовать дружбе торговых партнеров. Торговая сделка немыслима без ритуала подношения даров. Дарить — почти что речь говорить. Не зря индейцы утверждают: «Подарки осушают слезы, открывают все двери и возвращают мертвецов к жизни». Весь североамериканский континент покрыт настоящей торговой сетью из длинных цепочек, каждое звено которых контролирует то или иное племя, а прочность цепочек зависит как от обмениваемых товаров, так и от человеческих отношений. В торговле соединяются два удовольствия — от обмена и от познания нового, от приключений.

Груженное кожами каноэ идет к месту встречи. Некоторые торговцы каждый год встречаются в одних и тех же заранее договоренных точках. Соглашения соглашениями, а торговля все же небезопасна, того и гляди нападет враждебный род или облапошат бесчестные торгошники. Такие племена, как гуроны или оттава, высоко ставят своих торговцев. Те обогащаются и, раздавая подарки, занимают привилегированное положение в роду.

Ирокезские воины, задержав груженную кожами лодку алгонкинов, требуют с них уплаты дорожной пошлины. Да, некоторые племена, пользуясь своим местоположением или могуществом, господствуют на торговых путях, могут преграждать реки, дороги и тем приостанавливать торговлю своих врагов.

Представители десятков равнинных племен собираются на весенние ярмарки. Земледельцы продают кукурузу, охотники привозят искусно обработанные кожи. На обмен предлагают табак, сушеные плоды, ракушки, медные слитки, меха, позже — лошадей.

Добыть себе славу

У индейцев нет регулярной армии, племя защищают все воины. Каждый сам изготавливает свое оружие и сам решает, идти ли ему в поход.

У племени всегда есть враги. Враждебность соседей, угроза спланируют род. Уничтожить врага или овладеть его землями — не самое главное: на войне индейцы стремятся прежде всего добыть славу, взять пленных, умыкнуть женщин, захватить трофеи, например скальп.

Охотники-кочевники ведут войны по разным причинам, вожди не доверяют друг другу и бьются иной раз насмерть, чтобы править несколькими родами или завладеть охотничьими угодьями.

Племена северо-западного побережья считают войну лучшим средством получить рабов, которых потом перепродают. Что касается апачей на юго-западе, они мастера по части набегов и грабежей. Это обычное занятие и равнинных индейцев. Чрезвычайно распространена месть за обиду, оскорбление. Род не может оставить неотомщенными поругание своей чести или убийство одного из своих членов. Решение мстить принимается тотчас же. Кровная месть лежит в основе бесконечных войн между некоторыми племенами.

Воин-гурон снял с врага скальп. Это не просто трофей, он еще и помогает завладеть жизненной силой противника. Череп с шрамами от скальпирования, найденные в археологических раскопках, свидетельствуют о древности обычая, существовавшего задолго до прихода европейцев.

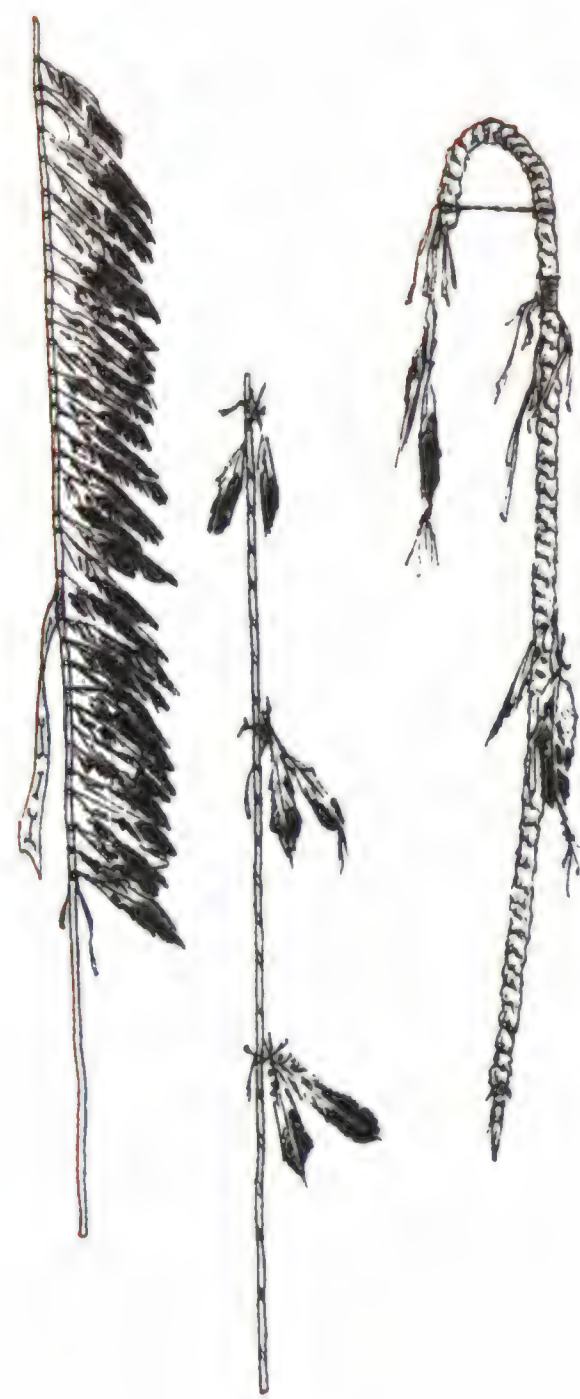
Ирокезы считают, что гибель воина духовно ослабляет род, и начинают в этом случае «траурную войну» с целью захвата пленных. Некоторых из них замучивают до смерти, а других усыновляют семьи погибших. Приемный получает имя покойного и занимает его место в роду. Семья окружает его любовью и считает полноправным ирокезом.

В присутствии двух старейшин молодой сиу делает на перье крест. Воин только что задушил противника, и перо, вертикально воткнутое в волосы, будет означать, что он убил врага голыми руками. «Нанести удар», то есть ранить или отнять щит, — еще ценнее, чем убить противника. Такой «язык перьев» существует только у равнинных индейцев. Некоторые историки полагают, что обычай носить перья пришел из Бразилии в XVII веке.

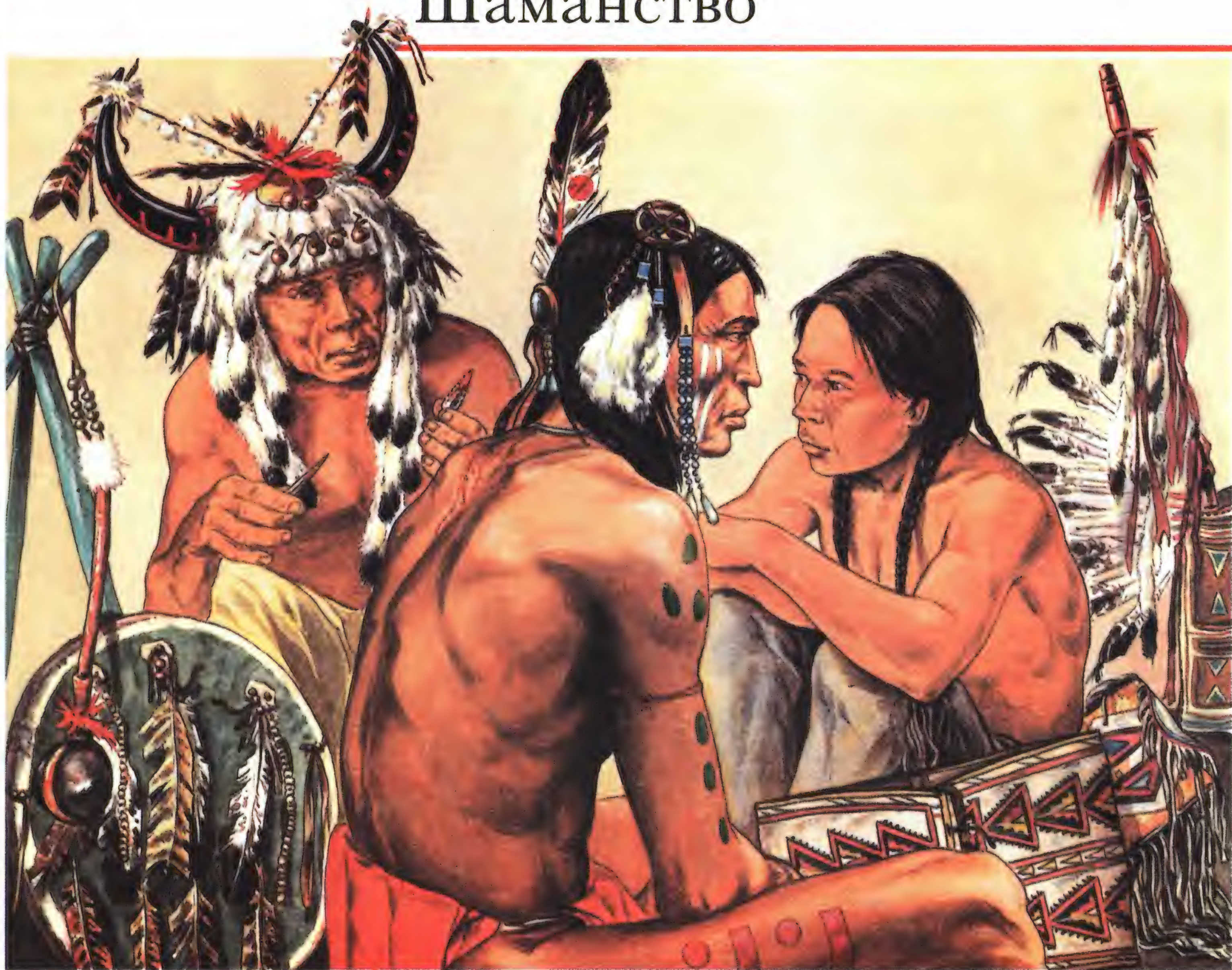
При входе в ирокезский лагерь пленника прогоняют сквозь строй индейцев, которые бьют его изо всей мочи. Выдержит — будет жив и принят в племя. Женщин и детей не подвергают такой пытке, их просто берут в семью и дают им новое имя.

Ирокезские воины напали на деревню алгонкинов. «Прийти, как лисы, биться, как рыси, исчезнуть, как соколы» — вот девиз ирокезов. Алгонкины прикрываются от ударов щитами из бобровых шкурок. Рукопашный бой продлится минут десять. Летят стрелы с костяными наконечниками, вздымаются и с силой опускаются томагавки, а ирокезы между тем тащат из лагеря пленных, судьба которых — быть либо замученными, либо принятыми в племя.

Шаманство

Воспитанник шамана «черноногих» учится извлекать из тела стрелу. Индейцы умеют делать противовоспалительные компрессы.

Шаман, которого европейцы ошибочно называют колдуном, выполняет обязанности лекаря, прорицателя и жреца (индейцы приписывают болезням сверхъестественные причины, такие как нарушение табу, похищение души злым духом или наведение порчи шаманом).

Раны, легкие недомогания лечит знахарка или просто человек, сведущий в целебных средствах. Врачеватель готовит отвары, настои, мази из трав и медвежьего жира. Пострадавшим от укуса змеи он дает драконов корень, боль снимает ивовой корой, которая содержит салицил — действующую составную аспирина.

Шаман оджибве читает берестяной свиток. Священные песнопения, таинственные обряды, приемы врачевания — все записано здесь и хранится от святотатственных посяганий.

Посреди шалаша-парилки индеец кладет раскаленные добела камни и обливает их водой. Покрытый шкурами шалаш заполняется очистительным паром, часто применяемым как лечебное средство. В зависимости от того, какова болезнь, на камни бросают разные ароматические травы, обладающие целебными свойствами.

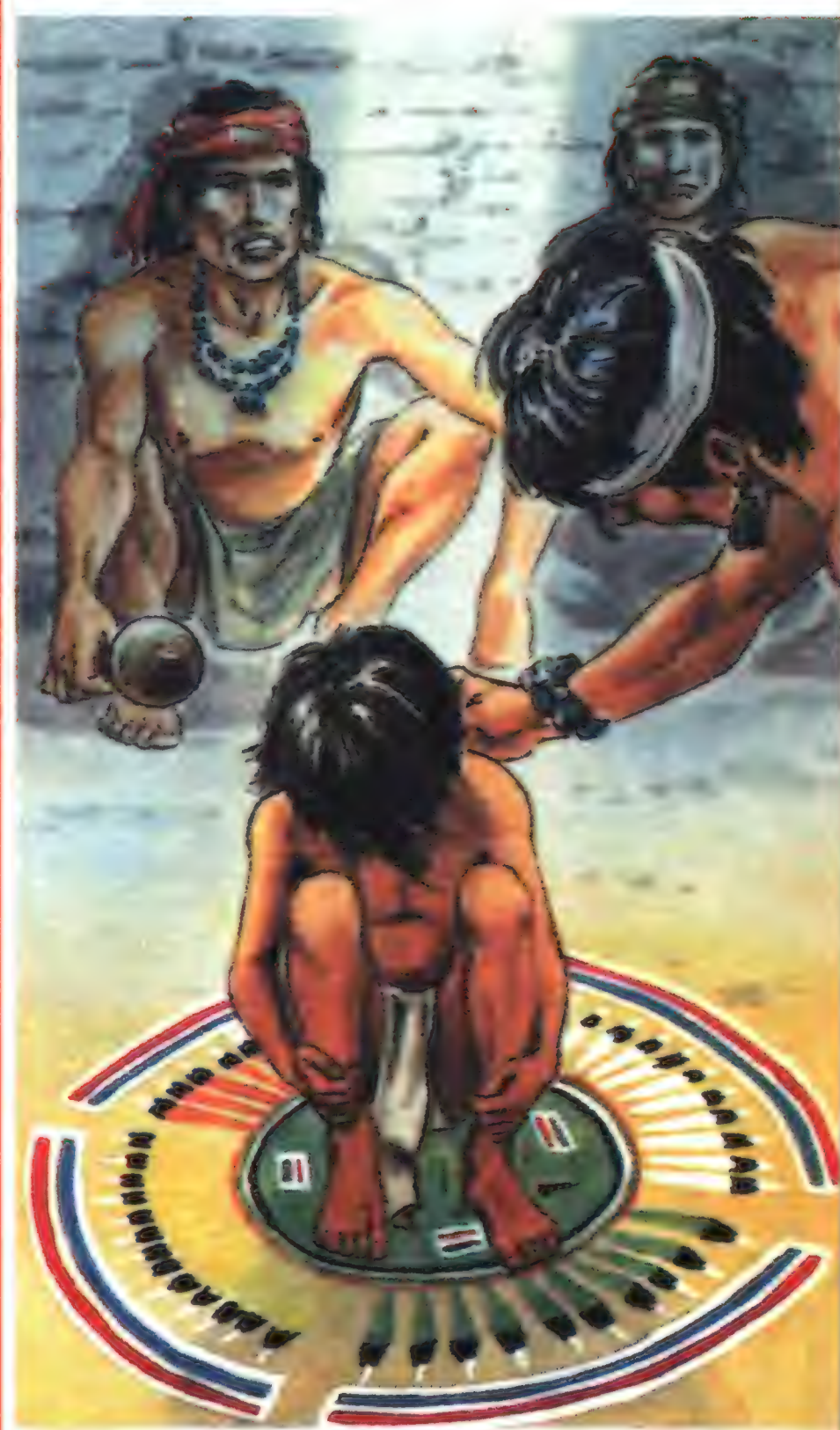
Многие знахарки умеют толковать сны, а о некоторых шаманах ходит слава, что у них дурной глаз. Навахо же думают, что шаманы могут заразить болезнью на расстоянии с помощью «трупного яда» или убить человека, имея лишь его ноготь или волосок.

Выврывать недуг с корнем не так-то просто. Шаманы племен тлингит и квакиутль принимают за дело в маске, соответствующей характеру болезни. У алгонкинов знаменитые шаманы умеют предсказывать будущее, используя прием «дрожащего шатра», где шаман беседует со своим духом. Великие шаманы всегда готовы вызвать или прекратить дождь, а иногда отваживаются даже проникать в «страну мертвых», чтобы вернуть оттуда чью-то душу. Услуги всегда платные, но, если лечение оказывается безуспешным и больной умирает, его семья требует возмещения.

Как становятся шаманами? Мастер своего дела учит маленького ребенка читать знаки природы, разбираться в травах, предаваться медитации и впадать в транс. Вызвав духов, молодой шаман наполняет медицинскую сумку талисманами и «громовыми палочками». По завершении образования он сможет наконец зреть незримое.

У индейцев оджибве есть сообщество врачей-лечителей — мидеввинов, которые прибегают к сверхъестественной помощи духов-маниту. К больному приближается женщина с «медицинской сумкой». Лежащие в ней ракушки — «миги» — только что символически убили его.

Под барабанный бой он сейчас встанет и откашляется этими ракушками. Общественное положение выздоровевшего будет ниже, чем прежде. Чтобы взойти вверх по иерархической лестнице, ему придется выслушивать поучения соплеменника с более высоким статусом.

Над рисунком на песке присел мальчик навахо. От болезни, вызванной хиндом — призраком мертвеца, его может вылечить только шаман. Из тщательно подобранных им красок и орнаментов исходит чудодейственная сила. После совершения обряда рисунок стирают, но семья берет с собой горстку пыли, чтобы пользоваться ею при недомоганиях.

Страсть к игре, наслаждение звуками

«Сверхчеловеческая борьба за овладение мячиком», — воскликнул художник Джордж Кэтлин, наблюдая буйную игру в травяной хоккей. Внутри мячика — комочка из оленьей шерсти, обернутого кожей, — талисман: червячок или блоха.

Первый барабан сделала птица, — рассказывают индейцы. — Всю ночь била в него, а наутро превратилась в человека». Индеец вслушивается в звуки природы. Тонкое знание мира животных позволяет ему предвидеть смену погоды. Для шейенов и черноногих пение синицы, например, означает «лето близко», а если она проглатывает последнее коленце — это предупреждение о надвигающейся буре.

Индейцы меномины играют в кости, используя в качестве таковых ореховую скорлупу, разрезанные желуди или раскрашенные косточки животных. Двое игроков поют, пытаясь склонить удачу на свою сторону.

Индеец-шошон ритмично бьет в барабан. Возле него дудочка и погремушка — инструменты, без которых не обходится никакой обряд. А еще есть маленькие барабачики, которые привязывают к ногам танцоров, и погремушки из черепашьих панцирей.

На охоте индейцы приманивают зверей, с удовольствием подражая их голосам. Свистом они передают и сообщения. Юноши и девушки племени кикапу, живущего на южных равнинах, таким способом переговариваются между собой. Вечерами, играя на губах, молодой человек ухаживает за девушкой из деревни. Во время игр тоже кричат и поют, чтобы отвлечь внимание противника или склонить удачу на свою сторону. Индейцы обожают играть: они проспаривают любимые вещи и даже, случается, жену!

Массовые игры «племя на племя» распаляют страсти. В XIX веке появившийся на юго-востоке травяной хоккей завоевывает равнины, им увлекаются все поголовно. Перед состязанием игроки проходят обряд очищения, молодежь танцует, дабы поднять свой боевой дух, а шаманы готовят чудодейственные снадобья. Сотни зрителей делают ставки на победителя.

Среди зимы индейцы чипева исполняют танец на снегоступах. Смена времен года, охота, какое-то событие в жизни — всё это хорошие случаи поплясать, попеть, произнести заклинания от несчастья, возблагодарить духов, порадоваться в вихре звуков и движений.

Оджибве играют в «змею на снегу». Надо метнуть палку так, чтобы она проскользнула по желобу в снегу дальше, чем у всех, несмотря на крики и жестикуюляцию других участников, старающихся вывести метателя из равновесия. Другая игра заключается в том, чтобы попасть копьем в маленькое кольцо, которое очень быстро катится по земле. Эта игра не только доставляет удовольствие, но и развивает ловкость, реакцию.

Чувство материала

Индейцы оджибве делают трехметровой длины лодку, сшивая вначале куски березовой коры, которыми потом обтянут остов из крепкой древесины — кедра или сосны. Детали остова гнут, привязывая к воткнутым в землю коль-

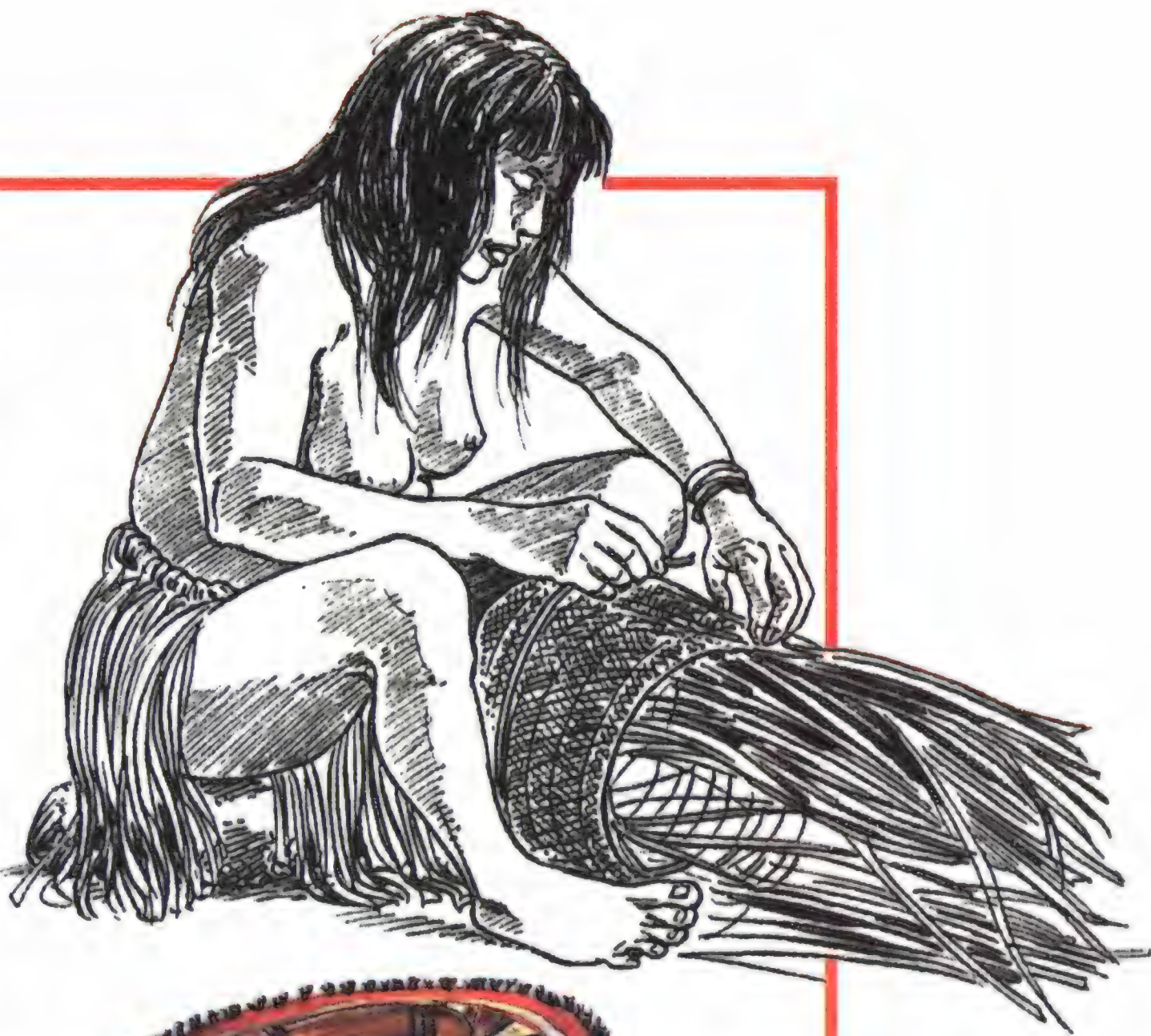
ям. Чтобы швы стали водонепроницаемыми, их смолят. Лодка непрочная, после поездок надо зашивать на ней порезы, а пробоины заливать камедью — растительным клеем.

С ызмалства индеец наблюдает, как работают его родители, как они изготавливают все им необходимое, исподволь учится делать из хорошо знакомых подручных материалов — дерева, кости, кожи, камня — разные вещи для собственного употребления или для обмена с другими племенами. У всех народов, живущих на северо-востоке, пользуются, например, большим спросом рыболовные сети гуронов, лодки племени оджибве.

Ювелир из племени навахо сверлит буравчиком бирюзу. Навахо научились у испанцев обрабатывать железо и серебро, оправлять бирюзовые камушки. Индейцам нравилось самовыражение с помощью формы и цвета. «Рисуй, что хочешь, только хорошо», — наставляли они детей.

Женщина из калифорнийского племени помо делает корзину. Плетение как ремесло было очень распространено у всех индейцев, однако особым мастерством славилась именно помо. В зависимости от размеров и предназначения корзины они использовали разного рода тростник. Для кочевников плетеные изделия — транспортабельное, необременительное, легкое и прочное движимое имущество.

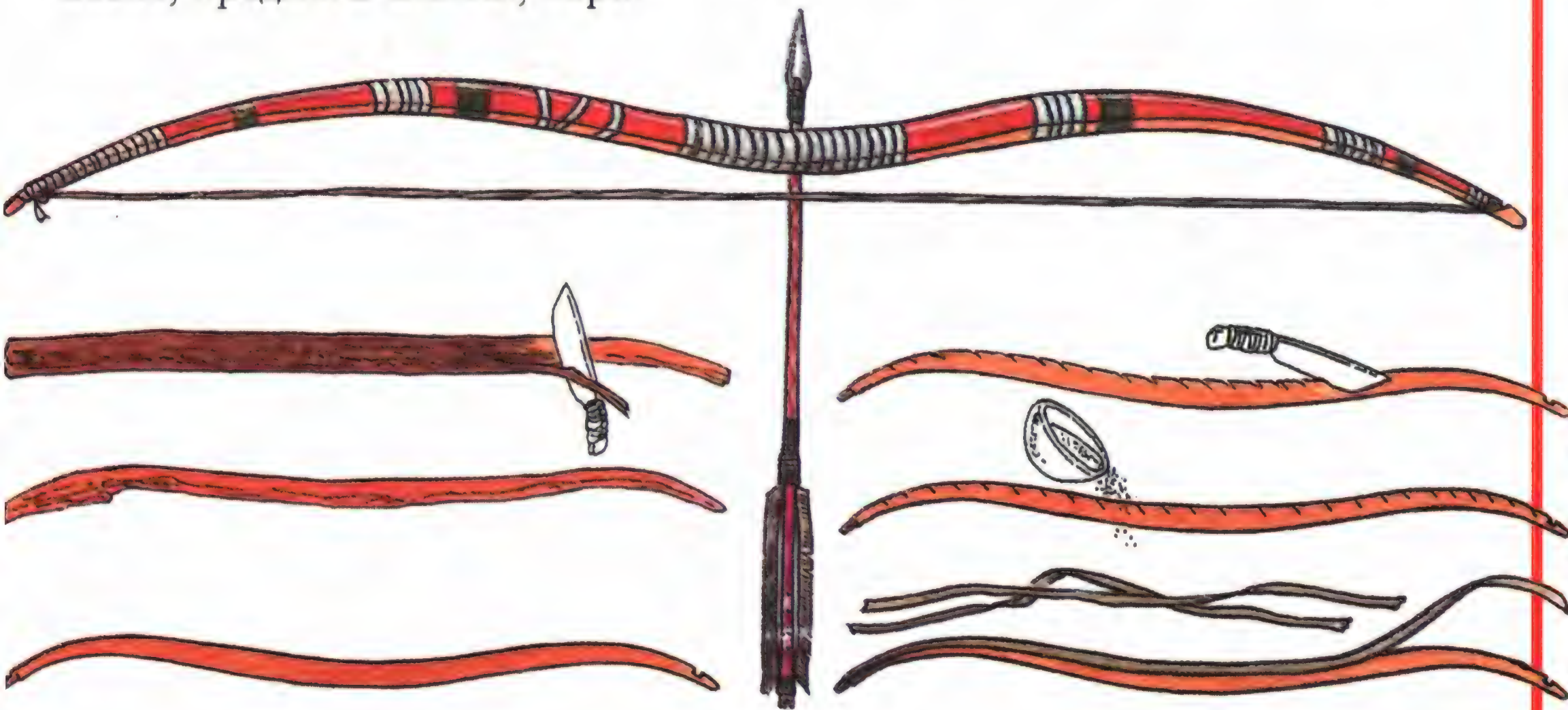

Перед замесом горшечница посыпает чан для глины кукурузной мукой, чтобы снискать милость Матери-глины, «которая отдает свою плоть». А гончар из племени цуни непременно делает разрыв в линеечке, которую чертит на поверхности сосуда, «чтобы не остановилась его жизнь, если он завершит дорогу».

Зачастую изобретательность сочетается со вкусом к обработке самых необычных материалов. Северо-восточные индейцы и оджибве мастерят короба, сосуды и даже лодки (такие легкие, что человек может переносить их на спине), сшивая куски березовой коры. Одежду украшают жемчугом или размягченными и навитыми на нитку иглами дикобраза. Ткут из лосиной и бизоньей шерсти, из волокон крапивы и липового лыка. Шкура становится мягкой и непромокаемой, если ее прокоптить и обработать мозговым веществом животного.

У племен хопи и навахо ткачество — занятие мужчин. Они убирают хлопок и на станке, подвешенном к перекладине, ткут пояса, покрывала, материи для одежды. Женщины же с помощью ярких красителей растительного происхождения придают пряже желтый, оранжевый, зеленый, красный, черный цвет. Гончарное дело, плетение корзин из ивовых прутьев и вообще всякое плетение — тоже женские занятия. Индейцы, живущие на северо-западном побережье и к югу от Великих озер, — мастера резьбы по дереву. Из их умелых рук выходят выразительные маски, предметы мебели, лари.

Лук сначала вырезают из дерева. Потом заготовку нагревают и сгибают, придавая ей окончательную форму, шлифуют, делают сверху зарубки, а трещины заполняют глиной. Наконец, натягивают тетиву из сухожилия... Индейский охотник выпускал восемь стрел за то время, которое требовалось европейцу, чтобы перезарядить ружье.

В священной ограде

На юго-западе

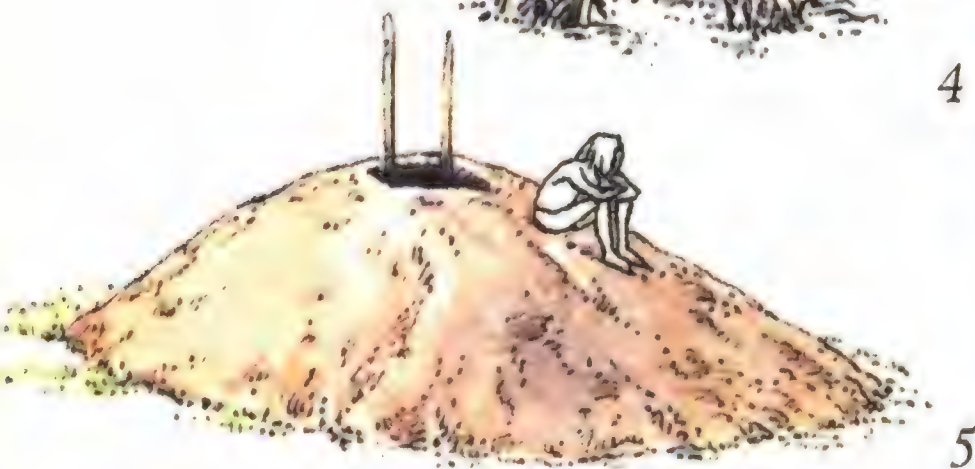
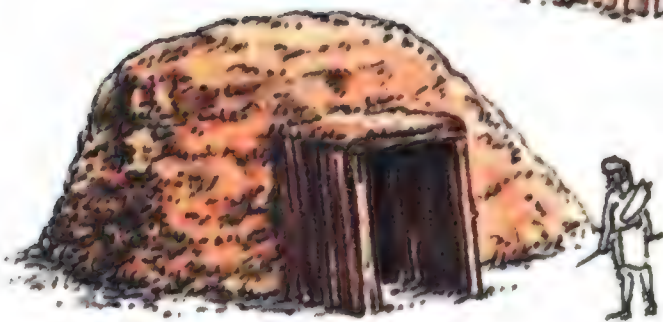
1. Калифорнийские **мивоки** живут летом в конусообразных шалашах, крытых ветками кустарника или камышом.

2. **Хоган** племени **навахо** — деревянное строение, крытое корой или глиной.

3. **Хопи** строят дома из адобы — самана.

4. **Паюты**, жители пустыни, укрываются ночью в шалашах из ивовых прутьев или камыша.

5. **Майду** входят в свой подземный дом через отверстие в крыше.

Сенеки, «народ Великого Холма», выбрали себе место, удобное для обороны. Вокруг деревни простираются поля кукурузы, фасоли и табака.

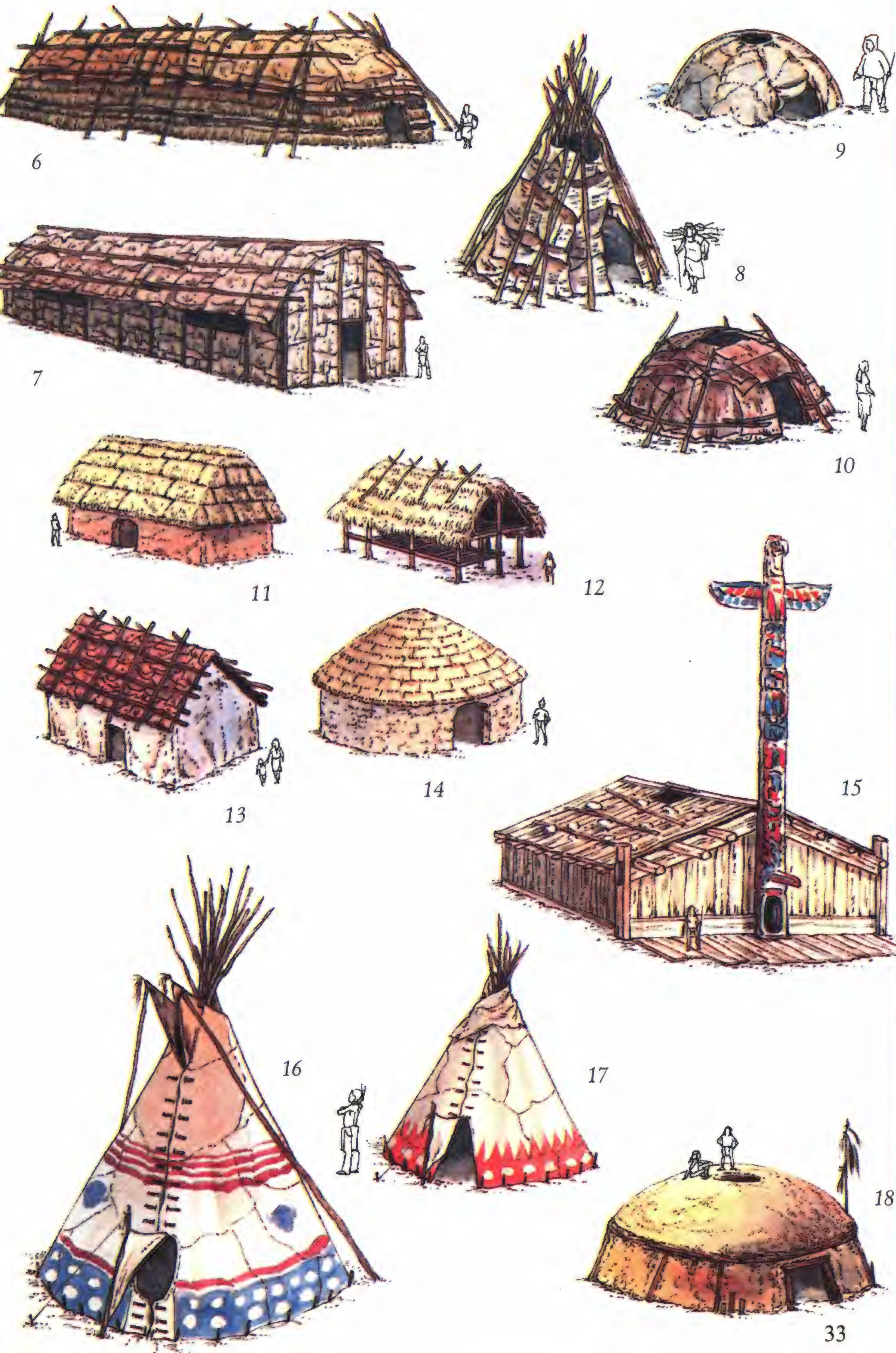
Прежде чем поставить деревню или разбить лагерь, индейцы тщательно выбирают для них место. Оно должно быть открытым, высоким, находиться поблизости от реки, особенно если речь идет о больших деревнях земледельцев, живущих на востоке, которые переселяются не чаще чем раз в 15—20 лет.

На северо-западе, близ прибрежной полосы, фасадом к морю крепко стоят жилища рыбаков. Индейцы хопи и цуни возводят на обширных, легко защищаемых плато настоящие многоэтажные дома, глядящие окнами на главную улицу. Равнинные индейцы располагают свои хижины — типи — так, что они образуют большой круг, священную фигуру этих племен, входом на восток, чтобы не задували господствующие там ветры.

Постоянные деревни всегда обнесены прочной оградой, метра три в высоту, из бревен и переплетенных ветвей. Посередине — большая площадь, где происходят игры и священнодействия. Столбы с развевающимися на верхушке скальпами служат мишенями для стрельбы из лука. Близ площади — Дом Совета, подальше — общий дом для стариков. За оградой — кладбище, священное место, регулярно посещаемое родственниками покойных.

Кюгу от озера Онтарио пять племен Ирокезской лиги, прозванные «строителями», живут в протянувшихся от реки Гудзон до Ниагары деревнях, единение которых символизируется понятием «длинный дом». На одном его торце «стражи восточной двери» — могавки, на другом «стражи западной двери» — сенеки. Анондаги — «хранители главного огня», каюги и онейды — «младшие братья». «Длинный дом» незыблем, ибо прочны его основы.

На севере (Великие озера)

6, 7. В домах **гуронов и ирокезов** (60 метров в длину, 12 метров в ширину) живут по 10—20 семей. Детали деревянного остова и куски коры скреплены корнями растений.

8. **Вигвам** («круглый дом» на алгонкинском языке) можно видеть повсюду от Великих озер до Атлантического побережья.

9. **Кучинам** легко перевозить свое куполообразное жилище из оленьих шкур на тобогане, прообразе санок.

10. **Зимняя хижина сауков**. Кровля из коры закреплена жердями.

На юго-востоке

11. **Хижина натчезов**, крытая камышом, легка. Ее обитатели вне опасности, если налетит циклон.

12. **Чики** — дом **флоридских семинолов** — из дерева и ветвей карликовой пальмы.

13. **У дома криков** — саманные стены, крыша из дранки, закрепленная жердями.

14. Во Флориде индейцы **тимукуа** строят хижины под соломенной крышей, приспособленные к тропическому климату.

На северо-западном побережье

15. У индейцев **хайда** во внушительных домах из досок туи живут по несколько семей.

На равнинах

16. Самые большие **типи** имеют в диаметре 10—15 метров. Держатся они на двух десятках опор.

17. **Типи** на языке индейцев **дакота** означает «жилище». Кроют его бизоньими шкурами. Диаметр чаще всего — около четырех метров.

18. **Манданы** строят крепкие глиняные дома для нескольких семей.

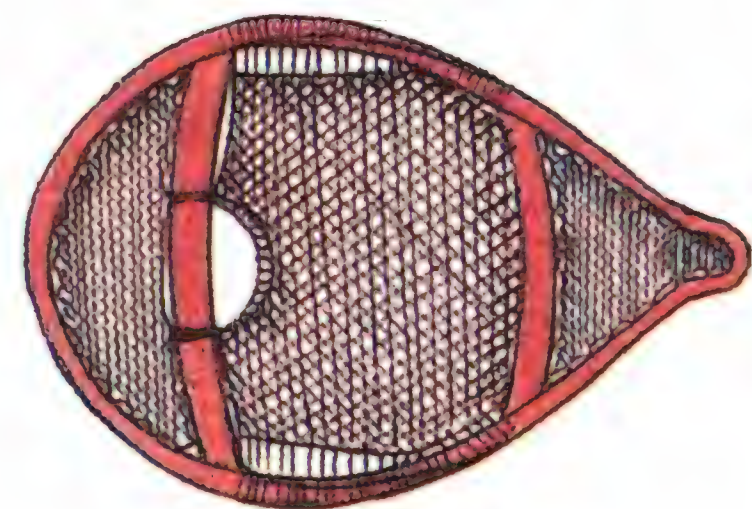
Охотники среди снегов

«Дед» попался в западню. Крики, как и все охотники, питают глубокое почтение к медведю. Это единственный зверь, похожий на человека и потому не имеющий Хозяина. Мертвому медведю кладут в пасть немного табака.

Снегоступ кучинов

Снегоступ оджибве

Из опасения прогневить Хозяина зверей индеец оджибве ни за что не даст собаке глодать кости бобра. Охотник не испытывает привязанности к своей собаке, ибо знает: случись голод, она первая пойдет ему в пищу.

Весной, когда начинает таять снег, охотники следят за миграцией оленей в тайгу. Охотникам на снегоступах легче передвигаться по снегу, чем копытным животным.

От Лабрадора до Аляски раскинулось царство народов Северного Оленя. Тундра, зимою — бескрайняя мерзлая пустыня, за несколько летних месяцев покрывается цветами. Олени их обожают. На южной окраине тундры начинается тайга. Благодаря прорезающим ее рекам и озерам индейские лодки покоряют суровые просторы, где лето, кишущее гнусом, не лучше полярной зимы.

Этот мир лесов и болот населяют народы, принадлежащие к двум языковым семьям: на востоке — крики, оджибве, наסקапи, говорящие по-алгонкински, на западе — чипева и кучины, употребляющие атабасканский язык. Все они — искусные охотники на оленей — кочуют небольшими группами во главе с вождем, женщины переносят на спине самую необходимую хозяйственную утварь и съестное.

Во время стоянок над огнем сушат нарезанное тонкими ломтиками мясо. Потом его растирают в порошок, заливают медвежьим жиром и набивают в оленьи кишки. Полученная смесь — пемикан — хранится месяцами. Летом женщины собирают дикорастущие ягоды и корни, а мужчины запруживают реки и ловят щук. Основным источником всех благ — северный олень: его мясо едят, из костей делают рабочий инструмент и оружие, кожа идет на одежду, ею кроют жилища.

Охотники, живущие в снегах, считают, что каждым видом животных заведует свой Хозяин. К дичи надо относиться почтительно, убивать ее определенным способом, иначе Хозяин зверей не отдаст ее охотникам.

Первая дичь, добытая молодым охотником-кучином, — повод для праздника. Новоиспеченный охотник сам не притрагивается к мясу, а угощает других участников отряда, отмечающих знаменательное событие.

Этого индейца-наסקапи застigli в момент, когда он собирался съесть себе подобного. Легенда племени виндиго объясняет людоедство тем, что в человека вселяется дух, настолько лишающий его разума, что он готов пожирать своих ближних.

Северные земледельцы

В погожие дни гуроны, встав лагерем возле озера, вооружившись гарпунами и сетями, разворачивают настоящую охоту на обитателей вод — осетровых, форель, сомиков-кошек и черепах. Часть добытого сушат или коптят на зиму.

По берегам озера Гурон стоят длинные дома вендатов — «жителей полуострова». Впервые встретившись с воинами-вендатами, французы были удивлены их бритыми головами, на которых оставалась лишь полоска вздыбленных волос, как у кабана. Кабанья голова по-французски — «hure», вот и назвали племя гуронами (Hurons).

Говорят они на том же языке, что их южные родственники — ирокезы. У обоих народов одинаковый образ жизни, они занимаются подсечно-огневым земледелием, причем ухаживают за полями женщины. В мае, вооружившись палками-мотыжками, они сеют кукурузные зерна. Когда начинают пробиваться ростки, женщины насыпают вокруг них холмики, на которых сажают тыкву и фасоль. Из-под растений тщательно выпалывают сорняки, землю удобряют, складывая на холмиках возле стеблей кукурузы рыбу. Урожай убирают в августе.

Ирокезы и гуроны хранят урожай (кукурузу, семечки подсолнуха, тыкву, бобы) в вырытых ямах, устланных травой или камышом и прикрытых корой для защиты от холода. По весне собирают сладкий кленовый сок. На стволе делают надрез, сок стекает по лоточку из древесины туи. Затем сироп сливают в берестяной чан. Чтобы получить сахар, надо всего лишь вскипятить сок, бросая в чан раскаленные камни.

Мужчины-гуроны проводят время на охоте или рыбалке. Женщины много работают, следуя одному и тому же почти неизменному циклу. В марте — апреле, когда тает снег, они заготавливают дрова, складывая их во-

круг дома под навесом. Весной, отсевшись, начинают готовить кожи для шитья одежды, изготавливать блюда и короба из бересты. Все лето собирают дикорастущие плоды и ягоды. Осенью принимаются сушить звериные шкуры, сухожилия и кишки, из которых делают веревки и ремешки. А с первым снегом наступает время празднеств и заслуженного отдыха...

По берегам Великих озер растет дикий рис, который индейцы оджибве называют меноминном. В конце лета меномины — «люди дикого риса» — объезжают на каноэ «преии доброго зерна» и связывают созревающие колосья риса в толстые снопы. Две-три недели спустя начинается уборка. Женщины тянут снопы, встря-

хивают и поколачивают их, пока зерно не окажется в лодке (а частью в воде: надо же думать и о новом урожае). Зерно молотят на току, потом провеивают. Всю зиму индейцы едят вареный рис с мясом, приправленный кленовым сиропом.

Раз в десять лет гуроны устраивают «праздник мертвых»: достают из гробов кости родичей, чистят их, заворачивают в бобровые шкурки. Тела недавно умерших оставляют как есть. Потом гуроны переносят за спиной скелеты родственников к огромной яме у ворот в деревню. Всю ночь поют и пляшут. Наутро останки хоронят в братской могиле. Удовлетворенные души покойников покидают живых и по Млечному Пути отправляются в «царство вечной охоты».

Народовластие по-ирокезски

На празднике «середины зимы» ирокезы приносят в жертву белую собаку, специально выращенную для этого обряда. Ее трупик, символизирующий чистоту, окрашивают в красный цвет и выставляют на деревянной площади, а индейцы тем временем разбрасывают прошлогодние головешки и возжигают Новый огонь.

Мудрец по имени Деканавида, рассказывают ирокезы, увидел во сне, как все ирокезские племена собрались вместе под огромным деревом. Ученик мудреца, могавк Гайавата, отправился тогда на белой лодке объезжать племена с посланием Деканавиды, призывая ирокезов «взяться за руки так крепко, чтобы их не могло разнять даже падающее дерево». Так родилась Ирокезская лига.

Ежегодно на территории племени оондага, вокруг Дерева Великого Мира, заседает Большой Совет лиги. У подножия дерева — пятьдесят сидений для представителей племен — сахемов. Их выбрали и сопровождают женщины. Могавки присылают десять сахемов, онейда — девять, оондага — четырнадцать, каюга — десять, сенека — восемь.

Гайавата, ученик мудреца Деканавиды, объезжает на белом каноэ ирокезские племена, призывая их жить в мире. Весьма вероятно, что Лига сложилась в XVI веке для противостояния угрозе, которую представлял собой приход европейцев.

Открытие Совета — точно соблюдаемый ритуал. Церемония начинается собοлезнованиями, сахемы скорбят о тех, кто умер за последний год. Один из сахемов объявляет, какие вопросы выносятся на обсуждение, затем все торжественно курят. В ходе прений сахемы берут слово и высказывают мнение только посоветовавшись со своим окружением. Решения принимаются единогласно. Большой Совет рассматривает все вопросы, касающиеся отношений между «братьями» — членами лиги и «дядьями» — ее союзниками. Заканчивается Совет пиршеством и танцами. Важные решения закрепляются на вампуме, который хранится у индейцев онондага. По возвращении сахемы разъясняют соплеменникам политику лиги, которая держит в страхе весь северо-восток, ибо располагает тысячами воинов. Кстати, алгонкины прозвали ее членов «ирокой» — «гадюками»: так опасно их нападение.

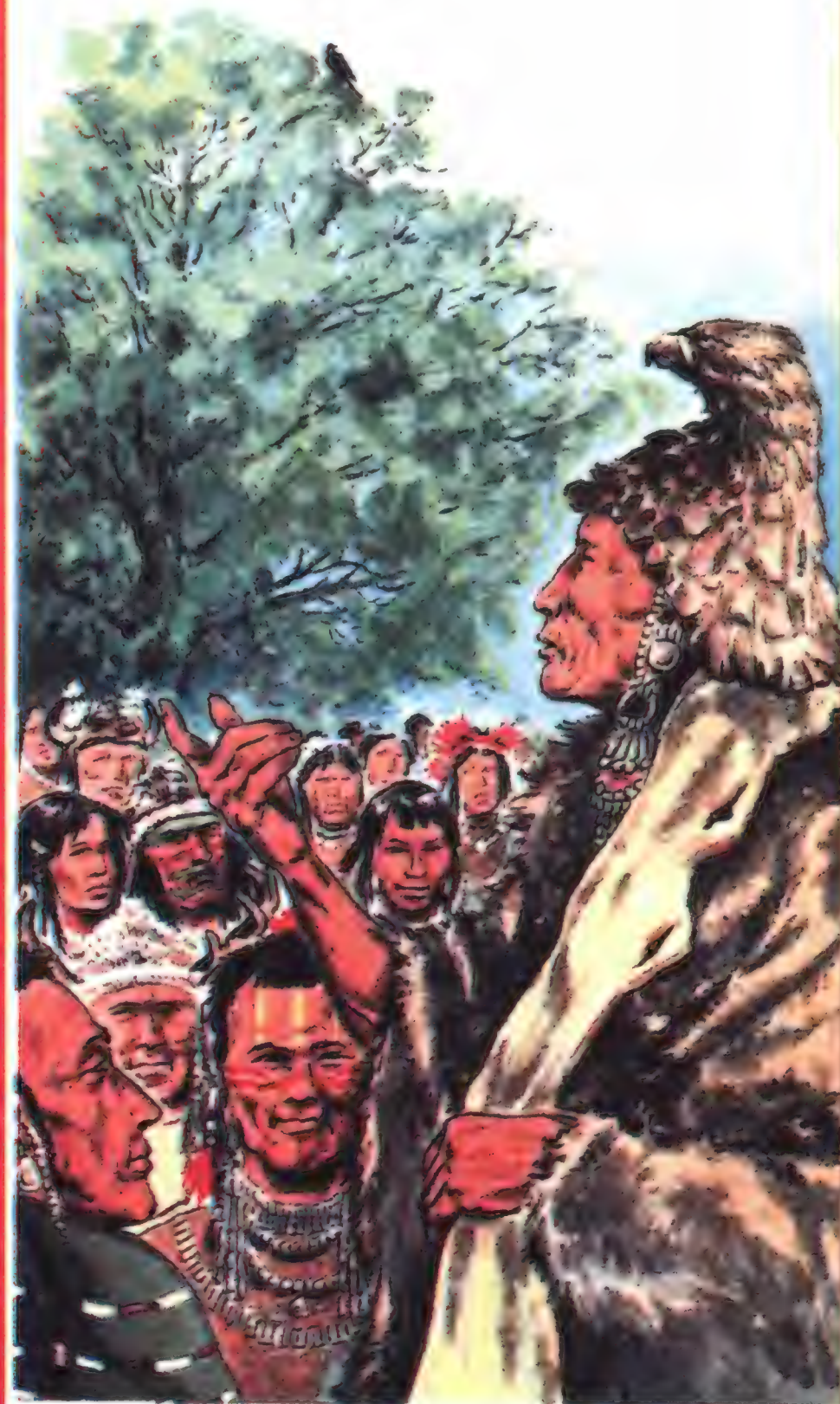

Делаварские женщины собирают на прибрежной полосе ракушки и крабов, а мужчины тем временем ловят угрей, ставят сети. Делавары и ленапы составляют большую конфедерацию племен, живущих по реке Делавэр. Ирокезы поддерживают с ними теплые отношения и называют их «дядьями».

Члены общества «чужелицких» лечат больного. В масках, отображающих гримасы, они пляшут вокруг него, трясая черепаховыми погремушками. Маски играют во врачевании важнейшую роль. По выздоровлении больной может

вступить в общество, сделав маску того, кто привиделся ему в бреду. Маска более действенна, если вырезать ее из живого, а не из срубленного дерева. Маске поклоняются, подносят ей табак и кукурузу.

Совет Ирокезской лиги заседает ежегодно в краях племени онондага, на холме, у подножия Древа Великого Мира, на вершине которого сидит орел. Деканавиде приписывают такие слова: «Если нагрянет беда, орел своим клетком предупредит ирокезский народ». Собрание происходит вокруг костра: столб дыма означает, что съехались все сахемы. На Совете присутствуют и следят за прениями женские делегации.

Хозяева равнин

Перед наступлением зимы типи утепляют — настилают пол из веток, покрытых шкурами. Внутри вокруг постелей развешаны предметы утвари. Над огнем посередине висит котел из бизоньего желудка, дым выходит через отверстие наверху. Водонепроницаемый полог — из бизоньих шкур, скрепленных деревянными шпильками. Летом полог заворачивают наверх, чтобы хижина лучше проветривалась.

От долины Миссисипи до Скалистых гор океанскими волнами колыхается трава. Климат равнин суров, жарким летом бывают засухи и смерчи, зимой — морозы и бураны. Кочевники (поуни, команчи, киова, шейены, дакота — всех их французы прозвали сиу) с XVI века охотятся на бизонов, антилоп и оленей, двигаясь вслед за мигрирующими стадами.

Однако такие племена, как манданы и хидатса, обрабатывают землю, возделывают прекрасные поля, засаженные кукурузой и тыквой. С помощью мотыжек из бизоньей лопатки женщины ухаживают за садом, окружающим стойбище. Они собирают корни, дикорастущие плоды и ягоды, ловят кроликов, куропаток и фазанов. Каждое лето кочевники собираются для совместной охоты на бизонов, потом, перед наступлением ненастья, снова разбредаются кто куда.

В то же время индейцы ведут высокоорганизованную общественную жизнь. У племен, подразделяющихся на роды, есть тайные общества с уклоном в магию, врачевание или военное дело. Любопытнее всех, конечно, «общество наоборотников», члены которого моются песком, утираются водой, идут вперед, когда все поворачивают назад...

В XVII веке равнинные индейцы приручают дикое животное, которое нарекают «большой собакой» или «священной собакой». Это лошадь. Ее появление круто изменяет их образ жизни: кочевать, охотиться и воевать теперь много проще.

Воин-мандан остановился перекинуться словечком с бердашей из племени сиу. Бердаша — это мужчина, который одевается как женщина и участвует в женских работах, что видно по мотыге из бизоньей лопатки у него в руках. Он никогда не станет воином, но индейцы уважают его желание принадлежать к миру женщин.

На берегах Миссури стоят деревни манданов — оседлых земледельцев, которые продают свою кукурузу на большой ярмарке, где по весне встречаются представители равнинных племен. Не пренебрегая, однако, ни охотой, ни рыболов-

ством, они плавают на круглых лодочках из бизоньей шкуры, натянутой на деревянный остов. Такие суденышки очень крепки и могут перевозить тяжелые грузы.

Женщина с тяжелой поклажей за плечами старается разнять собак, одна из которых тянет волокушу — «тележку» равнинных индейцев. На другой волокуше перевозят больного. Из-за непослушания собак отряд часто вынужден замедлять свое движение.

Они были самой жизнью

Охотники поуни, натянув на себя шкуры волков, подкрадываются к бизонам, для которых эти хищники привычны. Кроме того охотники натираются бизоньим жиром и заходят против ветра: бизоны плохо видят, но наделены отличным обонянием.

Слышится глухой гул, над долиной катится гром, пыль вздымается на горизонте... Грядет бог Бизон. Рядом с тысячами этих зверей держатся стаи волков и койотов, подстерегают молодых или больных особей. До массового истребления, учиненного белыми в XIX веке, каждую весну десятки миллионов бизонов заполняли равнины. Зимой же, спасаясь от непогоды, они уходили на лесистые северные холмы или в глубокие речные поймы.

Перед началом коллективной летней охоты племена совершают религиозные обряды, такие как окипа. Вакан-Танку — Великого Духа — молят о богатой добыче. Охотники проходят очищение и беседуют с духом-покровителем. У каждого племени есть «общество» — группа опытных воинов, на которых возлагается руководство действиями и поддержание порядка.

Коллективная охота требует неукоснительного соблюдения дисциплины. Молодой воин кроу, которому не терпелось убить своего первого бизона,

ослушался советов. За это его строго наказывают — бьют плеткой члены «общества собаки», обязанные следить за порядком на охоте.

До приручения лошади индейцы загоняли бизонов в ограду, где их легко было прикончить, или в овраги и ущелья, где те ломали себе ноги. Зверей убивали также стрелами из лука или поджигали прерию, чтобы обезумевшие бизоны кинулись в реку.

С XVII века скотоводы-команчи ловят лошадей, вырывавшихся из испанских военных лагерей. На протяжении XVIII столетия использование лошадей распространяется на север равнин, в корне изменяя образ жизни племен дакота, шейенов и кроу. Увеличивая мобильность индейца, лошадь усиливает его индивидуализм: наконец-то он может охотиться на бизонов в одиночку, уезжать далеко от стоянки, щеголять разукрашенными лошадьми. В бою всадник и лошадь сливаются в одно целое. Некоторые семьи заводят десятки лошадей. На северных равнинах, где зимой холодно, животных держат в типи и кормят листьями. Зачарованные новым приобретением, равнинные индейцы нарекают лошадей «священными собаками». Казалось, бизонья порода неисчислима, но говорили же шаманы, что, когда исчезнут бизоны, придет конец и индейцам...

Мустанги научены бесстрашно скакать совсем рядом с бизонами. Под воинами нет седел, они почти голые — одежда стесняет движения. Чтобы завалить животное весом под тонну, нужна большая ловкость. Копье или стрела должны задеть его жизненно важные органы. Всадник рискует не меньше, чем пеший охотник: упавшего с лошади могут затоптать обезумевшие бизоны.

От рождения до смерти индеец получает от бизона всё. Рубашонкой для младенца служит мягкая шкура молодого бизона, саваном для покойника — опять же бизонья шкура. На переднем плане — костяной скребок, излюбленное орудие, которым женщины обрабатывают шкуры.

Женщины, издали наблюдавшие за охотой, кинулись разделять туши. Женщины и дети любят пить теплую кровь, лакомиться сырыми почками и печенью бизонов. Чтобы доставить мясо в лагерь, до появления лошади приходилось резать тушу весом 700—800 килограммов на такие куски, которые человек способен нести на собственной спине.

Солнечные земледельцы

Юго-Запад — край монументальной скульптуры. Повсюду вздымаются плато, искромсанные эрозией, неприступные утесы, на которых — или даже внутри которых — безмятежно спят деревни племен хопи и цуни. Это царство пустыни: только кустики полыни и гигантские кактусы чуть оживляют дикий пейзаж. Вода таится в лощинах, идеально подходящих для солнечных земледельцев.

Танцоры отмечают праздник Зеленой кукурузы на центральной площади деревни юго-восточного племени крик. Живущие в долине Миссисипи индейцы племен чокто, чероки, чикасо и крик отмечают праздником появление первых ростков. Это еще и случай пройти очищение — глотнуть напиток, вызывающий рвоту, отмыть и тело, и душу.

Как свидетельствует археология, еще несколько тысячелетий назад эту область освоили индейцы хопи и цуни, которых испанцы прозвали «пуэблос». Их соседи, племена пима и папаго, берут от пустыни что могут. Спокойствие края взрывается нашествием воинов-кочевников с самого севера континента — навахо и апачей.

На рассвете апачи (это слово означает «враги») врываются в деревню племени цуни, чтобы унести запасы кукурузы. Орды апачей пришли с севера на залитые солнцем земли юго-запада. Говорящие по-атабаскански, то есть на языке, сильно отличающемся от языка индейцев пуэб-

лос, они разбрелись повсюду, каждая группа по-своему приспособилась к новой жизни. Хикарилья занялись земледелием, кива охотятся на бизонов. Ну а липаны, мескалеро и чирикава остались охотниками-собирателями, любителями грабительских набегов.

Навахо, племя, родственное апачам, утверждают, что ведут свое происхождение от священного народа — творца гор, растений и животных. Они живут в окружении сверхъестественных сил, ужасных божеств вроде Хинда, грозных призраков мертвецов, которых боятся и апачи.

Отряды апачей состоят из нескольких семей, вождя выбирают за охотничью и воинскую сноровку. Мужчины — многоженцы, чаще всего берут в жены... сестер собственной первой супруги. Апачи с большим уважением относятся к теще и никогда не заговаривают с ней первыми.

Женщины хопи хлопочут по хозяйству. Девушка толчет с помощью «мано» кукурузные зерна. Из муки она испечет что-то вроде хлеба — «пики». На крыше женщина ворошит кукурузные зерна, чтобы они перед закладкой на зимнее хранение хорошенько просохли. Кукуруза, фасоль и цитрусовые составляют основу питания, которое разнообразит мясо дикой птицы, кроликов и оленей.

Кукурузу сеют в апреле, убирают в сентябре, если только пройдут дожди, как поется в песне индейцев качина: «Мы вернемся тучами и благословим народ хопи». Земледелец замечает места, что посуше, и сеет зерна там, где пробивается вода.

Народ богов

Цуни и хопи полагают, что мир вертится благодаря шаткому равновесию всех живых существ, у каждого из которых свое место и предназначение в природной гармонии. Незримый мир населен многочисленными божествами: они влияют и на жизнь растений, и на каждое мгновение человеческого бытия.

Такая множественность богов заставила хопи создать братства, задача которых — совершать особый обряд. Перед каждым праздником выбирают молитвенное орлиное перо — «пахо». Изготавливают также священный жезл — «монгко» — из кукурузного стебля с тремя початками, символизирующими три закона хопи — почтение, гармонию и любовь.

Год у хопи начинается в ноябре с возжигания нового огня и поминовения пращуров, первыми населивших Землю. Предводитель танцоров призывает благотворные дожди: «О люди, пробудитесь, откройте глаза. Будьте как дети, бодрыми и веселыми. Сбегайтесь, тучи, отовсюду».

В декабре происходит «сойал» — сбор бродячих танцоров качина в масках, символизирующих богов. В феврале, во время праздника растительности — «поваму» — качина пробуждают спящую землю, танцуют, чтобы дети и фасоль лучше росли. Праздником «ниман» в июле отмечается отбытие качина. До конца лета исполняются один за другим ритуальные танцы, посвященные женским божествам.

Лето — череда празднеств. Во время праздника «змеи — антилопы» соревнуются лучшие бегуны. Подобно антилопам, они мчатся так, что земля дрожит, а громовый шум заставляет тучи пролиться дождем. На следующий день в празднике участвуют припасенные в подземном зале «кива» гремучие змеи. Индейцы хопи пляшут, держа змей в зубах, а жрец усмиряет веером из перьев слишком резвых гадов. Вечером их отпускают в пустыню. Довольные, они уползают в подземное царство и походатайствуют за людей перед богами дождя.

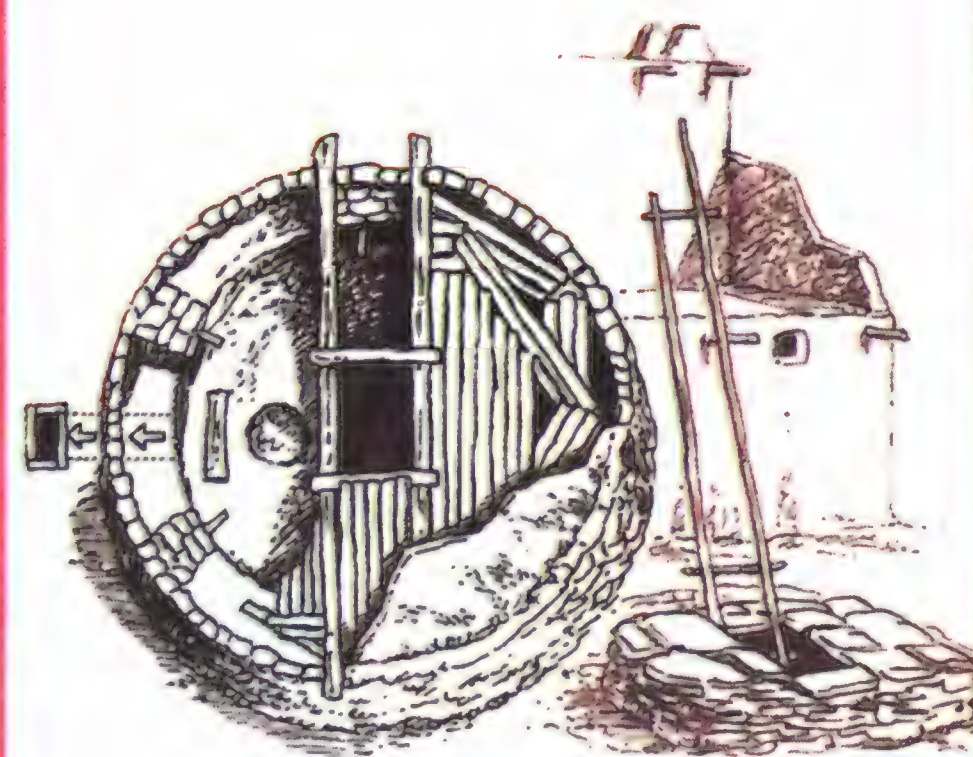
Дети пугаются длинных деревянных морд — ужасных масок, в которых явились к ним в деревню индейцы натаска. А в декабре на праздник «сойал» придут качина.

В гостях у этого маленького ребенка Эотото — вождь качина. Благодаря куклам дети знакомятся с качина, учатся их узнавать, постигают их роль и таким образом получают настоящее религиозное образование.

У девушки из племени хопи прическа в виде цветка фасоли. Выйдет замуж — распустит волосы. К деревне ведет единственная дорога, прорубленная сквозь скалы. В случае опасности ее легко завалить двумя-тремя большими камнями.

Во всякой деревне есть подземный зал для выполнения обрядов — «кива». В центре рисунка видно выложенное камнями отверстие — «сипапу». Духи и качина выходят через него из подземного мира и смешиваются на праздниках с людской толпой.

На краю земли

Индейцы пима ловят зайцев сетями, расставленными близ деревни. Пима выращивали кукурузу, тыкву, бобы и фасоль на маленьких делянках, но умели также пользоваться дарами пустыни — собирать вкусные плоды гигантских кактусов сагуаро.

В Калифорнии щедрая природа, рыбы полно, так что десятки племен делят этот край между собою без особых конфликтов. Жизнь индейцев хупа, чумашей, майду, мивоков, помо подчиняется смене времен года.

На островах в заливе Санта-Барбара чумаши поджидают приход китов. Отважные рыболовы без колебаний бросаются в погоню за гигантскими млекопитающими. В погожие дни чумаши на своих каноэ длиной 7—8 метров ловят тунца, промышляют выдр, тюленей и дельфинов, привлеченных косяками рыбы, мечущей икру среди водорослей залива. Осенью, как и все калифорнийские племена, они собирают желуди на поросших дубами холмах.

Важное событие в годовом цикле жизни индейцев помо — осенний сбор желудей. Мужчины и дети трясут ветки, а женщины складывают желуди в огромные корзины.

Желуди сушат и размалывают, потом желудевую муку сбрызгивают горячей водой, чтобы извлечь дубильное вещество — танин. Из муки будут печь лепешки.

Индейцы помо, населяющие десяток деревень к северу от санфранцисской бухты, питаются рыбой и желудевой мукой. Искусные ремесленники, они делают из ракушек и камня кремового цвета — магнетита — тщательно отполированные цилиндрики, применяемые при обмене вместо денег.

Индейцы хупа уединенно живут в гористой области на самом севере Калифорнии. В отличие от своих южных соседей, они с почтением относятся к богатству. Признаки богачей — внушительные ожерелья из ракушек и владение множеством рабов. По случаю религиозных церемоний и праздников они раздают подарки, демонстрируют свое богатство и тем самым добиваются признания у всего племени. Имущество этих счастливиц наследуют их дети.

Калифорнийские индейцы хупа дважды в году празднуют «обновление» — пляской с подпрыгиваниями и пляской «Шкура белого оленя», изображения которого вздымают над собой танцоры. На переднем плане — шаманы в головных

уборах из зубов морского котика размахивают обсидиановыми ножами. Ожерелья на шее свидетельствуют о богатстве. Эти празднества призваны способствовать плодородию земли.

С мая по октябрь индейцы, живущие в бассейне реки Колумбия, стоят с гарпунами и сетями у тесных протоков и водопадов: пришли осетровые, лососевые и форель. Женщины потрошат и сушат рыбу. Вечером, отведав жареной рыбы, все веселятся и танцуют.

Сыны океана

Шаманы смолкли, в долине слышен только шум водопадов. «Вот они!» — восклицает один из индейцев. Извиваются, стремительно вылетают из реки серебристые молнии, свистят гарпуны: вернулся бог Лосось. Весной лососей так много, уверяют некоторые, что по их спинам можно перейти через реку! Чтобы ублажить бога Лосося, первую пойманную рыбину покрывают орлиным пухом, затем водружают ее голову на маленький жертвенник, обращенный к верховьям, куда должна идти вся остальная рыба. Индейцы рассказывают, что первые бессмертные люди превратились в рыб, чтобы у смертных было пропитание. Вот с тех мифических времен бог Лосось щедро жертвует своих детей.

Сейчас вождь племени нутка метнет свой шестиметровый гарпун. Охоте предшествуют обряды очищения и магические моления. Наконечник гарпуна представляет собой лезвие из раковины мидии, окруженное костяными остриями. Поплавки не дают смертельно раненному киту утонуть, однако требуются многочасовые усилия, чтобы подтянуть к берегу сорокатонного великана... Индейцы нутка ценят его мясо и особенно шкуру, из которой извлекают много жира.

У самого Тихого океана, среди туй, гигантских елей и секвой, стоят деревни индейцев северо-западного побережья. Береговая полоса представляет собой череду островов и заливов, врезающихся в горы, покрытые до самой воды густыми лесами. Индейцы хайда, цимшиан, квакиутль, нутка, белла-кула все время вглядываются в море, выслеживая стада морских млекопитающих — китов, тюленей, дельфинов. Здесь море в изобилии дарит людям свои богатства.

Индейцы ловят также сельдь, треску и свечу-рыбу, через которую после высушивания пропускают фитиль — получается светильник. На эту рыбу большой спрос еще и потому, что из нее вываривают жиры, применяемый в кулинарии и для приготовления лекарств.

Развешенную на изгороди рыбу сушат солнце и ветер, а потом ее всю зиму хранят в лажах общего дома членов рода.

Каменные топоры племени квакутль прозваны «смертью раба», ибо ими не только сражались, но и казнили непокорных рабов.

Индейцы северо-западного побережья любят вырезать и раскрашивать бесчисленные предметы, которыми пользуются в быту. Вдохновение они черпают в мире животных, при этом некоторые племена специализируются в какой-то узкой области. Так, хайда славятся умением строить для празднеств великолепные лодки с изящно выделанной носовой частью, а женщины племени чилкат ткнут покрывала с диковинным, переливающимся разными цветами геометрическим орнаментом (на изготовление одного такого покрывала уходит целый год!).

Морские лодки выдалбливают из ствола туи. Украшения и резьба на носу и корме представляют собой эмблемы родов. В лодке длиной 15 метров и шириной почти два метра умещаются 50—60 человек. Слева — маска Духа Солнца (племя белла-кула).

Маска, изображающая привидевшееся индейцу существо.

Под крылами Великого Ворона

Десятки индейцев тянут за веревки, тяжелый деревянный тотем медленно принимает вертикальное положение. Вождь хайда с гордостью созерцает изваяние Великого Ворона на вершине шестиметрового столба. Тотем высится перед домом главы клана, как раз там, где покоятся предки. Событие отмечают потлачем.

В переводе с чинукского языка «потлач» означает «дарить». Поводами для потлача служат рождение ребенка, свадьба, похороны. Устроитель церемонии выставляет перед домом все свое имущество — покрытые чеканкой медные дощечки, шкурки выдры, бочонки с китовым жиром, даже рабов. Родственники тоже приносят разные вещи, чтобы подарков стало еще больше: всем понятно, что во время потлача на кону доброе имя рода. Часть имущества раздают гостям, оделяя каждого сообразно его общественному положению, остальное бросают в море. Вот подлинный признак силы — раздарить или уничтожить произведенное за годы.

У индейцев северо-западного побережья (небезразличных к богатству) смысл потлача для важного лица заключается в том, чтобы щедростью и расточительностью утвердить свое могущество и статус, а заодно унижить глав других родов. Впрочем, те не медлят принять вызов и устроить свой потлач. Бессрочное торговое соглашение с океаном позволяет им уделять много времени таким празднествам!

Тотем, вырезанный из ствола туи, рассказывает историю семьи или рода. Фигурок на столбе так много, что индейцы во избежание путаницы прибегают к устоявшимся символам: животных отличают от людей высоко расположенные торчащие уши. У птиц непременно массивный, выступающий вперед клюв. Бобер представлен большим зубом-резцом, медведь — оскаленной пастью, дельфин — спинными плавниками.

Стоя во весь рост на носу лодок, вожди племени хайда торжествующе потрясают головами врагов, отрезанными во время боевого похода. На дне лодки кучка пленных, которым суждено рабство. Их, однако, может выкупить род, для которого позорное положение одного из членов — бесчестие. Воин хайда носит деревянные доспехи и очень высокий шлем с гримасничающими фигурками на нем — для устрашения врагов.

Ради потлачей богатеи племени цимшиан надевают горностаевые шапки, украшенные усами морского льва.

Во время обряда «хамаца» танцоры-«людоеды» изображают акт каннибализма. Один из них приближается к испуганному новичку, кричит «Ешь, ешь!» и тащит его в ближний лес. Несколько дней новичка посвящают в тайны и обучают обрядовым пляскам. Возвращается он через крышу дома: спускается в облаке дыма, рычит и требует человеческого мяса. Тогда ему дают деревянное чучело или скелет медведя (этот зверь похож на человека). Посвященный утоляет голод, успокаивается и становится членом общества «хамаца».

Бородачи

В XVI веке индейцы замечают, что к их берегам повадились «большие деревянные лодки». Иногда с них сходят странные люди, которые едят «дерево» (хлеб), пьют «кровь» (вино), вооружены «огненными палками» (ружьями), а в своих «плавучих домах» держат множество загадочных предметов. Индейцы считают, что это морские духи, ибо они исчезают в воде за горизонтом, а по прошествии месяцев возвращаются. Присмотревшись к чужакам, они обозначают их на своем языке по ассоциации с каким-либо материалом. Так, гуроны называют французов «людьми железа», ирокезы голландцев — «людьми ткани». Но постепенно у одного, другого, третьего племени утверждается общее название — «бородачи», ибо борода удивительна для безбородых индейцев.

«Бородачей» принимают радушно: дарят им шкурки, угощают их мясом собак, бобров и дикобразов. Индейцы обменивают бобровый мех на железные иголки и клинки шпаг, из которых, насаживая их на древко, делают копья. Торговля вводит в обиход индейцев «французский снег» (сахар), покрывала, разноцветный жемчуг и изумительный напиток, вызывающий видения. «Огненные палки» чужестранцы, однако, придерживают. «Бобер с делом справляется», — говорят индейцы. Он их обогащает.

Миссионер-иезуит в сопровождении нескольких солдат пришел к гуронам. Индейцы принимают Черного Балахона радушно, как и всех «бородачей», хотя плохо понимают, чего он добивается. Их культура такова, что человека никогда не убеждают сменить верования.

Голландцы предлагают могавкам ружья. «Огненная палка», наводившая на индейцев ужас, теперь желанный для них предмет, хотя и не всегда она оказывается эффективнее, чем лук. Очень скоро индейцы становятся отличными

стрелками. Голландцы снаряжают своих союзников — могавков, тогда как французы опасаются давать ружья гуронам, по крайней мере, не обратившимся в христианство.

Индейцы не только знакомятся с необычными предметами — они сталкиваются с иной цивилизацией, чьи ценности отличны от их собственных. Бледнолицые кланяются их вождю и слушаются его. А вот Черные Балахоны — миссионеры — хотят, чтобы индейцы отказались от верований предков.

Из года в год с кораблей высаживается множество «бородачей». Они требуют, чтобы индейцы убрались со своих земель, вырубают леса, строят «каменные хижины», дерутся между собой, чтобы захватить побольше земли. Америка — уже не страна индейцев.

Почти столетие французы и англичане воюют между собой руками индейцев. Десятки племен покидают опустошенные области, остатки родов спасаются у чужих племен или пытаются обеспечить свою безопасность, селясь близ европейских фортов и городков. Разоренные эпидемиями и войнами, лишенные своих полей и охотничьих угодий, индейцы принимают помощь колонизаторов, испытывающих к ним только презрение.

С первых же европейских кораблей на берег попадают крысы — распространяются эпидемии. Индейцев косят оспа и простуда, к которым у них нет иммунитета. Магические и традиционные снаряды бессильны.

Моряки, солдаты, охотники проворачивают торговые дела с помощью «огненной воды». Ее употребление входит у индейцев в привычку. Особенно сильно они напиваются, когда один охотничий отряд встречается другой. Пьяные мужчины затевают драки. Женщины — от греха подальше! — убегают в соседний лес и уносят с собой оружие воинов.

J. Grasset J. Sauveur inv. del.

J. Caroque Sculp.

Ирокез, идущий на разведку. Картина XVIII века

Индейцы вчерашние
и
сегодняшние

Охотники за тенями

С XVI века индейцы служат источником величайшего вдохновения для художников и писателей. По прихоти случая — или истории — они то пленяют воображение, то внушают тревогу. Во времена открытия нового материка европейцы воображают, будто Америка населена чудовищами или людоедами.

Читатели хотят экзотики — издатели ищут картинки для иллюстрирования путевых очерков. В 1562 году вместе с французскими завоевателями высаживается на берег Флориды картограф Жак Лемуан де Мург. Очарованный жизнью индейцев, он зарисовывает их за самыми разными занятиями. Его гравюры, раскрашенные фламандским мастером Теодором де Бри и опубликованные в 1591 году, изумляют Европу. В следующем столетии англичанин Джон Уайт, идя по стопам Лемуана, пишет с натуры жизнь индейцев в молодой виргинской колонии.

С продвижением колонизации индейцев изображают во все более мрачных тонах. Многие повествования описывают ужасные нравы индейцев. Вплоть до конца XIX века авторы твердят об их зверской жестокости, а чтобы ощущения были поострее, пересказывают байки, сложенные во времена войн с индейцами. Большим успехом пользуются рассказы белых о том, как они были в индейском плену. Читателя увлекают в самую гущу «странного и дикого мира», но заодно приоткрывают не столь знакомые ему стороны жизни индейского общества, например семейный быт.

Борьба белых с индейцами дает Фенимору Куперу сюжеты приключений Кожаного Чулка — охотника, который любит и уважает индейцев. Романы «Зверобой», «Последний из могикан», «Прерия» имеют огромный успех в Соединенных Штатах XIX столетия.

Действительно, Купер с большой силой, романтично изображает конфликт между природой — свободной жизнью с индейцами — и цивилизацией, которую олицетворяет неумолимое продвижение белого общества во внутренние районы континента, сметающее мир индейцев. Автор придает мифологический размах этому столкновению добра и зла. Подражая Куперу, немецкий писатель Карл Мей рассказывает о злоключениях индейца Виннету. Но по-настоящему продолжает куперовскую традицию кино в жанре вестерна.

Задолго до появления фильмов-вестернов романы Джеймса Фенимора Купера познакомили с эпопеей покорения американского континента.

Иллюстрация Н.-К. Уайета

С самого своего рождения в начале XX века вестерн проникнут умонастроениями белых американцев — восславляет их прошлое, например завоевание Запада, либо — в фильмах, осуждающих истребление индейцев и захват их земель, — выражает скептицизм и разочарование. Многие вестерны идеализируют историю Соединенных Штатов и обходят мысль о законности защиты индейцами своих прав. Начиная с 70-х годов война во Вьетнаме и социальные конфликты ведут к пониманию всей жестокости белых, всей позорности войн против индейцев. Сегодня американцы снимают мало вестернов, идя навстречу требованиям индейцев уважать их историю и благодаря моде на научную фантастику.

Постановщики вестернов не были первыми защитниками индейцев среди людей искусства. Еще в XIX веке художники обессмертили некоторые племена во времена их величия. Своими картинами заступается за индейцев американец Джордж Кэтлин. В 1832—1834 годах он с мольбертом и кистями объезжает племена манданов, осажей, команчей, западных чероки, пишет портреты воинов, вождей, женщин, очень точно запечатлевает церемонии, игры, а потом в Лондоне, Париже и других европейских столицах старается привлечь симпатии общественности к «благородным дикарям».

Джордж Кэтлин запечатлел множество индейцев во всем великолепии их культуры, на которой еще почти не сказалось влияние белых.

Тогда же молодой австриец Шарль Бодмер гостит у манданов и индейцев бассейна реки Миссури, пишет их трогательные портреты. А в октябре 1837 года племя манданов поголовно вымирает от эпидемии оспы. Картины Бодмера остаются единственным свидетельством их существования. В 1890 году Эдварда Кертиса приводят в восторг индейцы северо-западного побережья. Но, говорит он, «у меня такое ощущение, что жизнь этих детей природы близится к концу». Кертис решает искать по Соединенным Штатам последних индейцев, участвует в их праздниках, вникает в их ритуалы и становится их другом; «охотник за тенями» не только фотографирует — он записывает их сказания и священные песнопения. Силою своего таланта «охотники за тенями» ярко освещают богатейшую культуру индейцев.

От дикаря к «хорошему дикарю»

В XVII веке те, кто первыми увидели североамериканских индейцев, в частности священнослужители, задаются вопросом об их происхождении. В Библии индейцы не упомянуты. Каково же тогда их место в возникновении и развитии человеческих сообществ? Вопрос тем более серьезен, что у индейцев, кажется, нет «ни веры, ни закона» — в их обществе процветает анархия, всяк делает что хочет. А их религия? Набор колдовских штучек или «глупых верований» в духов воды, в силы природы. На взгляд многих европейцев, индейцы живут «как звери дикие»; в отличие от своих южных соседей, ацтеков и майя, они не имеют цивилизации. Североамериканские индейцы, «все занятие которых — охота в дремучих лесах», выглядят первобытными людьми, то есть стоящими на первой ступени общественного развития.

В XVII веке европейцы, лучше изучив индейское общество, изменяют свое презрительное к нему отношение. Миссионеры обнаруживают у дикарей «здравый смысл», нравственность, по достоинству оценивают их единение, осознают, что у индейцев есть законы, верования, обычаи, от которых те вовсе не намерены отказываться. Путешественники и миссионеры, особенно иезуиты, восхищаются индейским обществом в «Назидательных записках и прочих докладах», которые посылают в Европу, чтобы найти деньги для дальнейшего обращения «дикарей» в христианство.

Эта флоридская деревня XVI века — с обработанными полями и садами вокруг, с четким общественным устройством и правильным расположением домов — отнюдь не выглядит как место обитания дикарей «без веры и закона». Теодор де Бри. Город секота и окрестные огороды.

Индийская деревня во Флориде, XVI век. Слева — кукурузные поля. Жилища обнесены частоколом, центральная площадь служит для собраний. Гравюра Теодора де Бри.

Живописец Джордж Кэтлин долго жил среди индейцев. На этой картине он изобразил их за игрой в травяной хоккей.

В 1703 году побывавший в Канаде знатный француз — барон де ла Онтан — публикует книгу «Диалоги», в которой гурон по имени Адарио рассуждает о французском обществе. Сравнивая дикарство с цивилизацией, он выступает против частной собственности, тирании богачей, социального неравенства. Адарио показывает превосходство природных верований над христианством и естественной нравственностью — над стеснениями цивилизованного общества. Вслед за миссионерами де ла Онтан пропагандирует личность дикаря, который «свободен, здоров и счастлив», ибо слушается матери своей — Природы. Век Просвещения пройдет под знаком «хорошего дикаря».

Вдохновленный этими идеями, Жан-Жак Руссо в 1755 году пишет «Рассуждение о начале и основаниях неравенства». Размышляя о взаимоотношениях между природой и культурой, он на примере американского дикаря утверждает, что технический прогресс не означает возвышения человеческих ценностей и улучшения условий жизни всех людей. Несколько лет спустя Дидро, тоже открыв «счастье дикарства», пишет: «А вот такой чудный парадокс хотите? Я убежден, что не может быть истинного счастья для породы человеческой иначе как в обществе, где нет ни царя, ни чиновника, ни священника, ни законов, ни твоего, ни моего, ни движимой собственности, ни недвижимой, ни пороков, ни добродетелей». Так философы апеллируют к устройству индейского общества, чтобы язвительнее покритиковать французское общество XVIII века с королевским правлением и привилегиями. Пример индейцев в некотором роде способствовал росту идей равенства, свободы и братства в монархической Европе.

Трагическая судьба индейского народа

Дух, живущий внутри меня и сообщающийся с прошлым, говорит мне, что во «времена не столь уж далекие не было бледнолицых на этой земле, все принадлежало Великому Духу, сотворившему ее, чтобы мы ее берегли, радовались ее плодам и заселяли ее людьми нашей расы, некогда счастливой, а потом ввергнутой в нищету бледнолицыми, которые, не умея ничем довольствоваться, вновь и вновь посягают на наши земли», — сказал в 1810 году вождь племени шони Текумсе, выражая смятение индейцев перед лицом неумолимого наступления белых и разрушения индейских культур.

В крупных резервациях на юго-западе США все еще сохраняются традиционные жилища, прекрасно приспособленные к природной среде, — такие как здесь, в Пуэбло-Таос, штат Нью-Мексико.

Позволяя французским, английским, голландским поселенцам обосновываться на восточном побережье, индейцы и не думали, что те станут захватывать их земли. А колонисты поднимают целину, им нужны для хозяйствования огромные наделы. Они истребляют дичь: так, дикие индейки исчезают уже в конце XVII века; домашние животные из Европы привозят с собою болезни, к тому же им требуются обширные пастбища. Наконец, вновь прибывающие во все большем числе белые иммигранты хотят иметь собственную землю и занимают внутреннюю часть континента. Такое развитие событий, изменение природной среды и усобицы европейцев ведут к непрекращающейся войне между индейскими племенами и бледнолицыми.

Соперничество племен усиливается падкостью индейцев на товары бледнолицых и вещи, которыми те владеют. Входят в обиход огнестрельное оружие, спиртные напитки. Гуроны, ирокезы ищут союза с бледнолицыми, чтобы распространить свое господство на другие племена. Слабейшие народы гибнут или бегут на Запад. В XVIII веке ирокезы заключают нерушимый союз с жителями Тринадцати колоний. «Цепь дружбы» разорвется только в 1776 году, во время Войны за независимость, когда колонисты свергнут британское владычество. Благодаря упомянутому союзу английские поселенцы в 1763 году вытесняют французов из Канады.

Соединенные Штаты с самого своего рождения не признают за индейцами никаких прав, кроме права подчиняться. В XIX веке покорение Запада выливается в постоянную войну с племенами Великих Равнин, шейенами, сиу, команчами и индейцами юго-западных областей, как то апачами-херонимо. А еще в XVII веке у этих конфликтов появляется такой драматический аспект, как сознательное истребление индейцев бледнолицыми.

Некоторые белые американцы считают даже, что надо поголовно уничтожать тех индейцев, которые дают им отпор. Индейское сопротивление — это и партизанская война, и большие сражения, вроде боя при Литл-Биг-Хорне в июне 1876 года, когда вождь Сидячий Бык разгромил генерала Кастера. Побежденные индейцы утрачивают свои земли и вытесняются в резервации, под надзор американской армии. Лишенные возможности охотиться или обрабатывать землю, они живут подачками бледнолицых. Многие спиваются, кончают жизнь самоубийством или покидают резервации с намерением устроиться в «мире белых». Необразованные, слабо владеющие английским языком, презираемые индейцы редко находят работу в городах, влачат там самое жалкое существование.

В наши дни индейцы стоят перед выбором: следовать традициям или бунтовать. Пышные церемонии, ежегодные праздники поддерживают фольклорное представление о мире индейцев, но в то же время свидетельствуют об их присутствии в американской культуре.

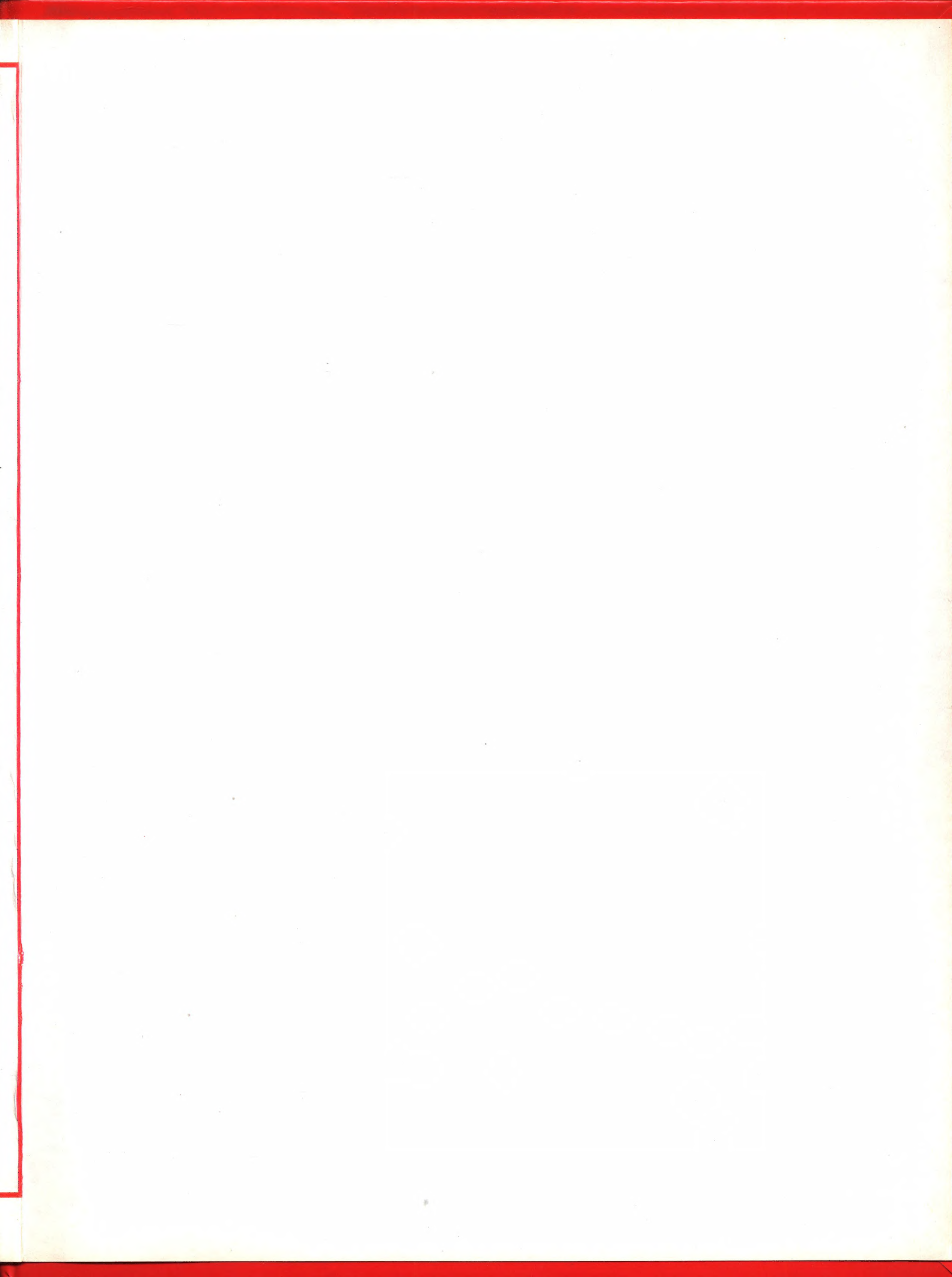
В XX веке плачевное положение индейцев заставляет белых американцев предпринять реформы. В 1924 году индейцы становятся гражданами Америки. В 1934 Джону Кольеру удается вернуть им некоторые земли, племена обретают самоуправление в границах резерваций, там же индейцы могут получить образование. После Второй мировой войны, в которой сражались и индейцы, они безуспешно требуют улучшить их положение. В 1973 году в селении Вундед-Ни индейцы сиу перед телекамерами сражаются с полицией. Мир обнаруживает, что индейцы все еще существуют. Позже племена возбуждают ряд судебных дел в защиту своих прав, некоторые индейцы требуют даже пересмотра заключенных прежде договоров. Ныне индейцы Соединенных Штатов и Канады — в общей сложности 1,5 миллиона человек — самые бедные и менее всех охваченные школьным образованием жители американского континента. Индеец — не только персонаж из кинофильмов. Трагизм его судьбы вызывает вернуть ему в белой Америке место, достойное его культуры и истории.

В 1973 году индейцы оказывают вооруженное сопротивление полиции в селении Вундед-Ни. Позже индейцы стараются защищать свои права законными методами. Они устраивают мирные демонстрации, чтобы напомнить американцам о своем существовании.

Американским живописцам нравилось изображать пионеров, которым угрожают «дикари»; в действительности индейцы редко нападали на фургоны переселенцев, а в стычки вступали преимущественно с американской армией.

Индейцы

Филипп Жакен – Франсуа Даво

Первые американцы пришли из Сибири за 40 000 лет до открытия Христофора Колумба ■ Дымовые сигналы, дорожные знаки, раскраска и татуировка – настоящие языки общения ■ От детства к зрелости: воспитание и обряды инициации ■ Брак и развод по-индейски: как ирокезка прогоняет мужа ■ Страсть к игре и воинственность ■ Шаман лечит и тело, и душу ■ От народов Северного Оленя к народам Бизона ■ Праздник мертвых у гуронов, Большой совет у ирокезов, охота на китов у племени нутка ■ Приход Бородачей и конец индейской Америки ■ и т. д.

ISBN 5-224-00142-0

9 785224 001422 >